

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЛЕГЕНДАРНОЙ СЕРИИ О ДЖЕКЕ РИЧЕРЕ  
ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ!

# ЛИ ЧАЙЛД

Жестокий, но справедливый  
Джек Ричер – самый крутой  
персонаж самой крутой из  
ныне продолжающихся  
книжных серий.

Стивен Кинг

ДЖЕК РИЧЕР,  
III 61 ЧАС

Ли Чайлд  
**Джек Ричер, или 61 час**  
Серия «Джек Ричер», книга 14

*Издательский текст*  
[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=6607088](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6607088)  
*Джек Ричер, или 61 час: Эксмо; М.; 2014*  
*ISBN 978-5-699-69969-8*

**Аннотация**

На заснеженной дороге неподалеку от городка Болтон в Южной Дакоте потерпел аварию туристический автобус. Волей-неволей его пассажирам пришлось остановиться в Болтоне, чтобы переждать непогоду. Среди них и Джек Ричер, как обычно путешествующий на попутках. Его сразу насторожило то, как тщательно местные правоохранители проверяли всех пассажиров автобуса. Оказывается, городская полиция ждет неизвестного киллера, который должен убрать опасную свидетельницу по делу о производстве наркотиков. Ричер не планировал задерживаться в этих местах, однако решил остаться и помочь спасти жизнь женщины. Он еще не знает, насколько серьезные силы вовлечены в это кровавое дело. И что до развязки остался всего 61 час...

## Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Глава 01                          | 4  |
| Глава 02                          | 10 |
| Глава 03                          | 16 |
| Глава 04                          | 22 |
| Глава 05                          | 26 |
| Глава 06                          | 31 |
| Глава 07                          | 38 |
| Глава 08                          | 43 |
| Глава 09                          | 48 |
| Глава 10                          | 51 |
| Глава 11                          | 57 |
| Глава 12                          | 61 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 63 |

# Ли Чайлд

## Джек Ричер, или 61 час

*Моему единственному  
и неповторимому редактору  
Кейт Мисиак*

### Глава 01

Было без пяти три дня, ровно шестьдесят один час до того, как это произошло. Адвокат въехал на парковку и занял свободное место. На земле лежал целый дюйм недавно выпавшего снега, и он почти минуту елозил ногами, пока не убедился, что калоши наделись и не свалятся. Потом выбрался наружу, поднял воротник и направился к входу для посетителей. С севера дул пронзительный ветер, который бросал в лицо жирные ленивые снежинки. Примерно в шестидесяти милях бушевала настоящая буря, и по радио ни о чем другом не говорили.

Адвокат вошел в дверь и принялся топтать ногами, чтобы стряхнуть снег. День был не приемный, а значит, никакой очереди. Он увидел перед собой только пустую комнату, пустую ленту конвейера с просвечивающим оборудованием, пустую рамку металлодетектора и трех тюремных охранников, которые ничего не делали. Адвокат кивнул им, хотя не был с ними знаком, но он считал, что находится с ними по одну сторону баррикад. Тюрьма представляла собой бинарную систему: ты либо сидишь за решеткой, либо нет. Они не сидели. Он тоже.

Пока.

Адвокат взял серый пластиковый контейнер из высокой неустойчивой стопки и убрал в него пальто. Потом снял пиджак, сложил его и пристроил сверху. В тюрьме было жарко. Считалось, что дешевле потратить лишнее топливо, чем выдавать заключенным два комплекта одежды – один на лето, другой на зиму. Он слышал впереди обычные тюремные звуки: звон металла и бетона, беспорядочные безумные крики и вопли, тихое ворчание равнодушных голосов, приглушенных закрытыми дверями и коридорами с бесконечными лестницами.

Адвокат вынул из карманов брюк ключи, бумажник, мобильный телефон и мелочь и положил еще теплые личные вещи поверх пиджака. Потом взял в руки контейнер, но не поставил его на ленту конвейера, а прошел через все помещение к маленькому окошечку в стене. Там он минуту подождал, женщина в форме взяла контейнер и выдала ему билетик с номером.

После этого адвокат остановился перед металлодетектором, похлопал себя по карманам и стал смотреть прямо перед собой, как будто ждал приглашения, – привычка, выработанная бесконечными перелетами на самолетах. Охранники продержали его около минуты, глядя на маленького нервного человечка без пиджака и с пустыми руками. У него не было с собой ни портфеля, ни записной книжки или даже ручки. Он пришел вовсе не за тем, чтобы помочь советом заключенному. Как раз наоборот: он будет слушать, а не говорить, и уж, конечно, даже не подумает о том, чтобы записать то, что услышит, на бумаге.

Адвокату показали, что он может пройти. Загорелась зеленая лампочка, сигнала тревоги не прозвучало, однако один из охранников провел вдоль его тела металлоискателем, а другой умело похлопал руками, проверяя, нет ли чего запретного. Третий повел его вглубь комплекса сквозь двери, устроенные таким образом, что они открывались только тогда, когда предыдущая и следующая были закрыты. Они заворачивали за бесконечные внутренние углы, предназначенные для того, чтобы тот, кто бежит по коридору, не мог слишком сильно

разогнаться, шли мимо окон с толстым зеленым стеклом, за которыми виднелись внимательно наблюдавшие за ними лица.

Вестибюль представлял собой обычное помещение с линолеумом на полу, светло-зелеными стенами и флуоресцентными лампами на потолке. Он соединялся с внешним миром, и, когда дверь открывалась, внутрь врывались порывы холодного ветра, а на полу оставались соленые пятна и лужи растаявшего снега. Сама же тюрьма не имела с ним ничего общего, потому что у нее не было связи с миром за ее стенами, не было неба и природных явлений. Никто даже не пытался хотя бы чуть-чуть ее приукрасить – сплошной голый цемент, покрытый жирными пятнами в тех местах, где его касались рукава и плечи заключенных, и светлый и пыльный там, куда они не доставали. Пол, выкрашенный серой краской, напоминал пол в гараже какого-нибудь автолюбителя. Ботинки адвоката тихонько поскрипывали, касаясь его поверхности.

В тюрьме имелись четыре комнаты для допросов: бетонные кубики без окон, разделенные ровно пополам бетонной стойкой высотой с письменный стол, которая шла от одной стены к другой, с пуленепробиваемым стеклом поверху. Над ней горели лампочки, забранные провололочной сеткой. Стекло было толстым, слегка зеленоватым, разделенным на три панели внахлест, в результате получились две боковые щели для подслушивания разговоров. В самом низу центральной панели имелась еще одна щель, для документов. Совсем как в банке. В каждой половине комнаты была дверь и стоял стул, абсолютно симметрично. Адвокаты входили с одной стороны, заключенные – с другой. И так же уходили, каждый в свою жизнь.

Охранник открыл дверь из коридора и вошел в комнату примерно на ярд, чтобы проверить, все ли в ней так, как должно быть. Затем он отступил в сторону и позволил адвокату войти. Тот дождался, когда у него за спиной закроется дверь и он останется один. Только после этого юрист сел и, посмотрев на часы, обнаружил, что опоздал на восемь минут. Он ехал медленно из-за плохой погоды. Обычно адвокат считал недопустимым опоздание на встречу, непрофессиональным и неуважительным по отношению к клиенту. Однако в тюрьме все было иначе, здесь время для заключенных не имело принципиального значения.

Еще через восемь минут дверь в стене за стеклом открылась, появился другой охранник, проверил помещение, снова исчез, и внутрь, шаркая, вошел заключенный – клиент адвоката: белый мужчина, невероятно толстый и совершенно лысый, одетый в оранжевый комбинезон. Цепи на его запястьях, поясе и щиколотках казались миниатюрными, похожими на украшения. У него были пустые глаза, покорное, ничего не выражающее лицо, только губы слегка шевелились, как у дурачка, пытающегося не забыть трудное задание.

Дверь в стене за стеклом закрылась.

Заключенный сел.

Адвокат придвинул свой стул поближе к перегородке.

Заключенный сделал то же самое.

Симметрия.

– Извините, я опоздал, – сказал адвокат.

Заключенный не ответил.

– Как вы? – спросил адвокат.

Заключенный не ответил, и адвокат замолчал. В комнате было невероятно жарко. Через минуту заключенный заговорил; он будто декламировал, пробираясь сквозь список инструкций, и предложений, и пунктов, которые заучил наизусть. Время от времени адвокат просил его:

– Помедленнее.

И всякий раз заключенный замолкал, ждал, потом снова начинал с того места, где остановился, не меняя скорости и певучей интонации. Ощущение было такое, будто он просто не умеет разговаривать по-другому.

Адвокат считал, что у него вполне приличная память, особенно когда речь шла о деталях, как у большинства юристов, и он слушал очень внимательно, потому что необходимость сосредоточиться на процессе запоминания отвлекала его от истинного содержания инструкций, которые он получал. Однако в самом дальнем углу своего сознания он насчитал четырнадцать противозаконных предложений, прежде чем заключенный наконец закончил говорить и откинулся на спинку стула.

Адвокат молчал.

– Все понятно? – спросил заключенный.

Адвокат кивнул, заключенный погрузился в тупую неподвижность и стал похож на бесконечно терпеливого осла, работающего в поле. Время для заключенных ничего не значит. Особенно для этого. Адвокат отодвинул стул и встал. Дверь с его стороны открылась, и он вышел в коридор.

Было без пяти минут четыре дня.

Осталось шестьдесят часов.

Адвокат обнаружил, что его ждет тот же охранник, и уже через две минуты стоял на парковке. Он был снова полностью одет, а его вещи лежали в карманах, приятно их отягивая, напоминая о настоящем и нормальной жизни. Снег пошел сильнее, стало заметно холоднее, дул пронзительный ветер. Рано и быстро темнело. Адвокат посидел немного с включенным двигателем, дожидаясь, когда нагреется сиденье, глядя на дворники, которые отчаянно сражались со снегом. Потом под визг шин медленно развернулся по широкой дуге, и фары прочертили яркие полосы в белом покрывале, окутавшем все вокруг. Он направлялся к выезду, воротам из проволочной сетки, ожиданию, проверке багажника, а дальше на прямую дорогу, ведущую из города к автостраде.

Четырнадцать предложений, требовавших нарушения закона. Четырнадцать самых настоящих преступлений, если он передаст то, что ему сказали, и все будет сделано, а оно *будет* сделано. Или пятнадцать, потому что он сам станет соучастником. Или даже двадцать восемь преступлений, если прокурор решит считать каждый эпизод, что он вполне может сделать исключительно ради удовольствия. Или чтобы прославиться. Двадцать восемь дорог к позору, бесчестью и лишению лицензии, суду, приговору и тюрьме. Почти наверняка к пожизненному заключению, учитывая природу одного из четырнадцати предложений, и это еще если повезет и удастся заключить сделку о признании вины. Он даже думать не хотел о том, что его ждет, если такую сделку совершить не получится.

Адвокат объехал «клеверную» развязку и покатил по медленной полосе. Со всех сторон его окружало толстое покрывало падающего снега, серое в сгущающихся сумерках. Иногда по той же полосе проезжали другие машины, одни быстрее, другие медленнее; порой навстречу проносились грузовики и еще какие-то автомобили. Держа одну руку на руле, он развернулся на сиденье, достал мобильный телефон и задумался. У него было три возможности. Первая: ничего не делать. Вторая: позвонить по номеру, который ему назвали. И третья: поступить так, как и следовало в данных обстоятельствах, – набрать 911, затем как можно быстрее связаться с местным управлением полиции, дорожным патрулем, шерифами округа, коллегией адвокатов и собственным адвокатом.

Адвокат выбрал второй вариант; впрочем, он знал, что именно так и поступит. Первый ничего ему не дал бы, если не считать того, что чуть позже они бы его нашли. Третий вариант означал смерть, медленную и неминуемую, вне всякого сомнения, после многих часов

или даже дней страшных мучений. Он был маленьким, нервным человеком. И никаким не героем.

Поэтому адвокат набрал номер, по которому ему велели позвонить.

Он проверил его дважды, потом нажал на зеленую кнопку и поднес телефон к уху – что во многих штатах рассматривалось как двадцать девятое преступление.

Но не в Южной Дакоте.

Пока еще нет.

Слабое утешение.

Голос, который ему ответил, он слышал четыре раза в жизни – грубый и хриплый, приправленный не вызывавшей сомнений животной угрозой. По представлениям адвоката, это был голос из другого мира.

– Выкладывай, приятель. – Он услышал в голосе улыбку и намек на злобную радость, как будто его хозяин наслаждался своей абсолютной властью, а еще смущением, страхом и отвращением звонившего.

Адвокат сглотнул и заговорил, перечисляя инструкции, повторяя предложения и целые параграфы в точности так, как они были переданы ему самому. Он начал в семи милях и семи минутах от моста через автостраду, который, впрочем, не особенно походил на мост. Шоссе было совершенно ровным и прямым, но по обеим его сторонам появился небольшой овраг – сухой большую часть года, однако через пять месяцев по нему потекут потоки растаявшего снега. Дорожные инженеры разровняли овраг, превратив его в аккуратный кульверт, и установили под дорожным покрытием сорок гигантских бетонных труб, чтобы фундамент не размывало раз в год. Весной система прекрасно работала, но имела один недостаток, который появлялся зимой, и поэтому инженеры поставили с двух сторон моста щиты с объявлением следующего содержания: МОСТ ЗАМЕРЗАЕТ РАНЬШЕ, ЧЕМ ДОРОГА.

Адвокат продолжал ехать дальше и говорить. Через семь минут монолога он добрался до самого очевидного, грубого и вопиющего из четырнадцати предложений. Он сообщил его в телефон точно в том виде, в каком услышал в тюрьме, иными словами, совершенно спокойно и без эмоций. Грубый голос на другом конце рассмеялся, и адвоката передернуло. Из самых глубин его существа буквально поднялся на поверхность моральный спазм, который заставил напрячься плечи и вдавил телефон в самое ухо.

Рука на руле дернулась.

Передние шины заскользили на покрытом льдом мосту, адвокат не слишком ловко выправил машину, но задние колеса повело в противоположную сторону, его закружило на месте, и он остановился поперек дороги. В следующее мгновение он увидел сквозь падающий снег приближающийся автобус, совершенно белый, который ехал очень быстро и прямо на него. Часть сознания адвоката твердила, что столкновение неизбежно, но другая вопила: «Нет!» Ему хватит места и времени, чтобы уйти в сторону, посередине есть трава и два надежных металлических барьера между ним и встречным транспортом. Он прикусил губу, расслабил руки на руле и выпрямился; автобус промчался мимо, параллельно и ровно в двадцати футах от него.

Адвокат с облегчением выдохнул.

– Что? – спросил голос в телефоне.

– Меня занесло, – ответил адвокат.

– Заканчивай доклад, задница, – велел голос.

Адвокат снова сглотнул и заговорил с того места, где остановился.

Водитель, сидевший за рулем встречного автобуса, являлся ветераном с двадцатилетним стажем, и в своем мире добился почти максимума. Скорее всего, у него имелась лицензия, он прошел отличную подготовку и обладал достаточным опытом. Он был уже не моло-

дым, но еще не старым. С точки зрения умственного и физического состояния он находился на широком плато здравого смысла и зрелости и на пике своих способностей. Он ехал по расписанию и не опаздывал, не превышал скорость, не был пьян или под воздействием наркотиков.

Но он устал.

Водитель уже два часа смотрел на невыразительный пейзаж, окутанный белым покрывалом снега. Он видел задние огни машины примерно в ста ярдах впереди, видел, как она вдруг встала по диагонали на дороге. Из-за усталости он отреагировал на долю секунды позже, однако уже в следующее мгновение напряжение в онемевшем теле вызвало чрезмерную реакцию, и он дернул руль так, будто пытался увернуться от удара. Слишком сильно и слишком поздно. И в любом случае бессмысленно. Легковая машина выровнялась и уже находилась за ним, когда передние колеса автобуса заскользили по мосту в тот момент, когда руль потребовал, чтобы они повернулись, и они сорвались с покрытия дороги.

Задняя часть, где находились громадный чугунный блок двигателя, цистерна с водой и туалет, была самой тяжелой, точно маятник. Она попыталась помочь передним колесам, но у нее ничего не вышло, не хватило всего нескольких очень важных градусов. Водитель сделал все правильно; он изо всех сил сражался с автобусом, но руль был легким, словно перышко, а передние колеса больше не касались дороги. Он ничего не мог сделать. Задняя часть автобуса завертелась.

Водитель сражался с ним целых триста ярдов и двенадцать долгих секунд, которые показались ему двенадцатью часами; он крутил громадный пластиковый руль налево, потом направо, пытался остановить скольжение, снизить скорость, которую оно набирало. Но она продолжала нарастать, громадный маятник в задней части автобуса метался из стороны в сторону, мягкие пружины лопались и выстреливали в воздух. Автобус наклонился, задняя его часть развернулась на сорок пять градусов налево, потом на столько же направо. МОСТ ЗАМЕРЗАЕТ РАНЬШЕ, ЧЕМ ДОРОГА. Автобус промчался мимо последней бетонной трубы, и передние колеса опустились на асфальт, но в этот момент они находились по диагонали относительно дороги, и весь автобус повернулся в ту же сторону, как будто выполнял вполне законную команду, как будто снова стал послушным. Водитель изо всех сил ударил по тормозам, и колеса подняли в воздух тучи только что выпавшего снег. Автобус устоял и даже сбросил скорость.

Но недостаточно.

Передние колеса миновали предохранительную полосу, потом обочину и соскочили с дороги в неглубокий овраг, полный снега и замерзшей грязи. Дно ударилось и заскрежетало о край асфальта, и автобус протащило на двадцать футов. Он замер под углом – передняя треть в снегу, задние две трети на обочине, отделение с двигателем нависло над дорогой. Передние колеса замерли, мотор заглох, тишину нарушало лишь шипение вытекающих на снег жидкостей, тихий шорох тормозов с пневматическим приводом и крики пассажиров, которые постепенно превратились в стоны, а потом и вовсе стихли.

Пассажиры представляли собой однородную компанию, все, кроме одного. Двадцать седых пожилых людей плюс мужчина помоложе в автобусе, рассчитанном на сорок человек. Двенадцать из них были вдовами, остальные восемь – семейными парами. Все из Сиэтла, группа из местной церкви, отправившаяся на экскурсию. Они побывали в Литтл-Тауне-в-Прерии и теперь возвращались на запад к Горе Рашмор<sup>1</sup>. Им пообещали показать географический центр США, а по дороге – национальные парки и пастбища. Отличное путешествие,

---

<sup>1</sup> Национальный мемориал Гора Рашмор находится около города Кистон в Южной Дакоте. Гора известна тем, что в ее гранитной горной породе высечен гигантский барельеф высотой 18,6 метра, который является скульптурными портретами четырех президентов США: Джорджа Вашингтона, Томаса Джефферсона, Теодора Рузвельта и Авраама Линкольна.



только не самое удачное время года. Зима в Южной Дакоте никогда не отличалась гостеприимством. Поэтому они получили пятидесятипроцентную скидку на билеты, хотя те и без того стоили дешево.

Необычный пассажир, который выбивался из этой компании, был лет на тридцать моложе самого молодого из остальных. Он сидел в полном одиночестве через три ряда от стариков, и они решили, что он безбилетник или вроде того. Он появился, когда они сделали остановку, чтобы немного размяться, к востоку от городка под названием Кавур, после Литтл-Тауна-в-Прерии и после музея «Дакоталенд». Никаких объяснений он не дал, просто сел в автобус, и всё. Кое-кто видел, как он разговаривал с водителем, а кто-то – что передал ему деньги. Никто не знал, что и подумать. Если он заплатил за проезд, получалось, что он вполне законный пассажир, а вовсе не заяц. Вроде тех, кто путешествуют автостопом, только не совсем.

Впрочем, в любом случае молодой мужчина произвел на стариков благоприятное впечатление, вел себя тихо и вежливо. Он был на фут выше любого из остальных пассажиров и, вне всякого сомнения, отличался недюжинной силой. Не красивый, как кинозвезда, но и не уродливый. Очень похож на недавно ушедшего из спорта атлета. Может быть, футболист? И не так чтобы очень хорошо одет: в мятую навывпуск рубашку и холщовую куртку на подкладке. Удивляло, что у него не было с собой никакой сумки, но в целом пожилым пассажирам нравилось иметь такого попутчика, особенно после того, как он оказался воспитанным и совсем не страшным. Агрессивное поведение человека таких размеров выглядело бы просто неприлично, а хорошие манеры делали его настоящим милашкой. Некоторые особо смелые вдовушки решили было завязать с ним разговор, но он держался таким образом, что делал подобные попытки невозможными. Большую часть пути он проспал, а его ответы желающим поболтать, исключительно вежливые, но краткие, не позволяли продолжить беседу.

По крайней мере, они знали его имя. Один из мужчин представился ему, когда возвращался по проходу из туалета. Высокий незнакомец поднял голову и на мгновение замер, как будто оценивал стоимость и выгоду ответа. Потом пожал протянутую руку и сказал:

– Джек Ричер.

## Глава 02

Ричер проснулся от того, что ударился головой о стекло, когда автобус занесло на скользкой дороге. Он сразу понял, где находится. *В автобусе. Следующие несколько секунд он просчитывал варианты. Снег, лёд, нормальная скорость, почти нет других машин. Либо мы въедем в разделительный барьер, либо вылетим на обочину. В самом худшем случае – перевернемся.* Лично его это не очень беспокоило. Но, возможно, старикам, сидящим перед ним, придется несладко. Впрочем, скорее всего, никто не погибнет, его волновало другое – что будет потом. Двадцать пожилых людей, перепуганных насмерть, возможно, раненных – порезы, синяки, сломанные кости, – посреди пустынной дороги, вдалеке от человеческого жилья, да еще в набирающей силу зимней буре.

Ничего хорошего.

Следующие одиннадцать с половиной секунд Ричер провел, стараясь удержаться на месте, осторожно сопротивляясь резким движениям автобуса. Он сидел позади всех, и потому его швыряло из стороны в сторону сильнее остальных. Пассажиров впереди тоже бросало, но значительно меньше. Однако они были старыми, хрупкими людьми, и Ричер видел, как безвольно болтаются их головы. И в зеркало заднего вида – лицо водителя, который сражался с автобусом. Молодец! Но Джек знал, что ему суждено потерпеть поражение. Управлять большим комфортабельным автобусом совсем не просто. *Будь осторожен в своих желаниях.* Он был в Маршалле, штат Миннесота, но уже не помнил, что там делал; потом его подвез парень, который направлялся на запад в Гурон, что в Южной Дакоте, но по какой-то необъяснимой причине отказался довезти его до места, а высадил на площадке для междугородних автобусов неподалеку от городка под названием Кавур.

Ричера это не слишком обрадовало, потому что Кавур не производил впечатления остановки, популярной у трансконтинентального транспорта. Однако через две чашки кофе на площадку въехал белый экскурсионный автобус на сорок человек, из которого вышло только двадцать, а это означало, что в нем имеются свободные места. Водитель производил впечатление простого парня, Ричер не стал особо умничать и предложил ему двадцать баксов за то, чтобы тот довез его до Рэпид-сити. Водитель попросил сорок, они сговорились на тридцати, Ричер сел в автобус и прекрасно себя чувствовал весь день. Удобства в дороге обеспечивали мягкие рессоры и уверенное вождение, о чем, впрочем, в настоящий момент пришлось забыть.

Однако через семь секунд настроение у Ричера стало более оптимистичным. Водитель убрал ногу с педали газа, и автобус начал сбрасывать скорость. Это не особо чувствовалось, но Ричер не сомневался, что так оно и есть. Простая физика. Закон движения Ньютона. Если в них не врежется какая-нибудь другая машина, они немного покружатся на месте и остановятся, боком или задом наперед, однако не перевернутся и смогут ехать дальше. Но тут он понял, что передние колеса снова заскользили, и сообразил, что их несет в сторону. Очень плохо. Водитель изо всех сил ударил по тормозам и вцепился в руль, когда автобус с грохотом и скрежетом отправился в кювет. В конце концов они остановились, частично съехав с шоссе, и это было бы хорошо, если бы их задница не висела прямо над дорогой, что было очень даже плохо. А кроме того, все механические звуки стихли и наступила мертвая тишина – что и вовсе было отвратительно.

Ричер оглянулся назад и увидел приближающиеся огни фар. Совсем плохо. Он встал, прошел вперед и разглядел перед автобусом плоский участок земли, засыпанный снегом. Никаких скал или бордюров – значит, им не грозит опасность от переноса веса. Поэтому он бросился назад и начал уговаривать стариков встать с мест и пройти в переднюю часть автобуса. В этом случае, если в них врежется восемнадцатиколесный грузовик, никто не

погибнет. Но старики были в шоке и отказывались шевелиться, они просто молчали. Тогда Ричер вернулся к водителю, который сидел совершенно неподвижно, только время от времени моргал и с трудом сглатывал, пытаясь справиться с адреналином, бушевавшим в крови.

– Отличная работа, приятель, – сказал ему Ричер.

– Спасибо. – Водитель кивнул.

– Ты сможешь вытащить нас из канавы? – спросил Ричер.

– Не знаю.

– А ты сделай предположение.

– Скорее всего, не смогу.

– Ладно. У тебя есть предупредительные аварийные огни?

– Что?

– Предупредительные огни. Задняя часть автобуса торчит прямо на дороге.

Водитель некоторое время молчал, видимо, еще не окончательно пришел в себя, потом потянулся вниз, открыл ящик, стоявший возле ног, и достал три сигнальные ракеты, темно-красные картонные трубки со стальными шипами на концах. Ричер забрал их у него и сказал:

– Аптечка есть?

Водитель снова кивнул.

– Возьми ее и осмотри пассажиров – ну, там синяки, порезы и все такое, – велел ему Ричер. – И убеди их пройти как можно дальше вперед, насколько они смогут. Желательно, чтобы они собрались в проходе. Если в нас кто-нибудь врежется, он ударит в пустую задницу.

Водитель кивнул в третий раз, потом встряхнулся, точно пес, и принялся копать в ящиках. Из второго, закрытого на защелку, он достал аптечку и выбрался со своего места.

– Сначала открой дверь, – сказал ему Ричер.

Водитель нажал на кнопку, дверь с шипением открылась, и внутрь ворвался холодный воздух, который принес с собой тучи снега.

– Закрой за мной дверь, береги тепло, – сказал Ричер.

Затем он спрыгнул в канаву и по льду и замерзшей земле начал пробираться к обочине дороги. Выйдя на нее, он помчался к заднему углу автобуса. В лицо ему летели хлопья снега, но он не обращал на них внимания. Сосредоточившись на дорожных ограничителях, Ричер пробежал тридцать шагов назад по дороге. По неровной траектории. Тридцать шагов, тридцать ярдов. Девяносто футов. Точнее, почти восемьдесят восемь. Восемьдесят восемь футов в секунду – это все равно что шестьдесят миль в час, а в мире полно сумасшедших, которые даже в страшный снегопад будут ехать с такой скоростью. Ричер наклонился и воткнул аварийный огонь в снег, тут же автоматически загорелся ослепительно-яркий малиновый свет. Ричер пробежал еще тридцать шагов, поставил второй аварийный сигнал, потом через тридцать шагов – третий, завершив последовательность предупредительных знаков: три секунды, две, одна, *проезжайте*.

Затем он бегом вернулся назад, снова перебрался через канаву и принялся колотить кулаком в дверь, пока водитель не отвлекся от оказания первой помощи и не открыл ему дверь. Ричер забрался внутрь, и вместе с ним ворвался снежный вихрь. Он довольно сильно замерз, лицо онемело, заледенели ноги. В автобусе уже стало довольно холодно, и окна с одной стороны покрылись пятнами инея.

– Включи двигатель, чтобы работали печки, – сказал он водителю.

– Не могу, – ответил тот. – Мы, видимо, пробили топливный бак, когда вылетели с дороги.

– Я не почувствовал снаружи никакого запаха, – заметил Ричер.

– Я не могу рисковать. Сейчас все живы. Мне совсем не хочется, чтобы они сгорели заживо.

– Хочешь, чтобы замерзли до смерти?

– Займись первой помощью, мне нужно позвонить.

Ричер прошел назад и начал проверять пожилых пассажиров. Водитель обработал первые два ряда; у всех четверых пассажиров, сидевших около окон, были заклеены пластырем порезы от металлических рамок, окружавших стекла. *Будь осторожен в своих желаниях.* Вид отсюда, конечно, лучше, зато и риск выше. У одной женщины на щеке со стороны прохода Джек увидел еще одну полоску пластыря – видимо, в том месте, где в нее ударился головой муж, которого болтало, точно тряпичную куклу.

Первую сломанную кость Ричер обнаружил в третьем ряду, у хрупкой пожилой женщины, похожей на птичку. Она повернулась направо, когда автобус изменил направление движения и дернулся влево, сильно ударилась плечом в оконное стекло и сломала ключицу. Ричер понял это по тому, как она держала руку.

– Мэм, могу я взглянуть? – спросил он.

– Вы не врач, – возразила она.

– Я прошел подготовку в армии.

– Вы там были врачом?

– Военным копом. И мы проходили специальное обучение.

– Мне холодно.

– Это шок, – попытался утешить ее Ричер. – И снег идет.

Она повернула к нему верхнюю часть тела, словно сдаваясь, и Ричер сквозь блузку дотронулся кончиками пальцев до ее ключицы, чувствуя, что она тоненькая, как карандаш. Кость сломалась ровно посередине, чисто, без осложнений.

– Плохо? – спросила женщина.

– Все хорошо, – попытался успокоить ее Ричер. – Ключица сделала свою работу. Она похожа на прерыватель тока. Ломается, чтобы защитить ваше плечо и шею. А заживает быстро и без проблем.

– Мне нужно в больницу.

– Мы вас туда доставим, – кивнув, сказал Ричер.

И пошел дальше. В четвертом ряду он обнаружил растянутое запястье и сломанное в пятом. Плюс в общей сложности тринадцать порезов, много несерьезных ушибов и огромное количество шоковых реакций.

Температура в автобусе быстро падала.

В заднее боковое окно Ричер видел аварийные огни, которые продолжали гореть, – три ярких малиновых шара, окутанных падающим снегом. Ни фар приближающихся машин, ни вообще движения на дороге. Опустив голову, он прошел по проходу и нашел водителя, который сидел на своем месте, держал в руке открытый мобильный телефон, смотрел перед собой в ветровое стекло и барабанил кончиками пальцев левой руки по рулю.

– У нас проблема, – сказал он.

– Какая?

– Я позвонил в 911. Дорожный патруль находится в шестидесяти милях к северу от нас, а другой – на таком же расстоянии к востоку. Приближаются две серьезные бури: одна – из Канады, другая – со стороны Озер. У них там полный хаос. Все ремонтные машины с ними. А еще пробка машин на сто. Шоссе за нами и перед нами закрыто.

*Вот почему нет никакого движения.*

– Где мы находимся?

– В Южной Дакоте.

– Это я знаю.

– Тогда ты знаешь, что я имею в виду. Если мы не в Сиу-Фоллз или Рэпид-сити, значит, мы посреди пустоты. А мы не в Сиу-Фоллз и не в Рэпид-сити.

– Ну, мы же должны находиться где-то.

– Навигатор показывает, что неподалеку есть городок. Называется Болтон. До него, наверное, миль двадцать. Но он маленький, крошечная точка на карте.

– Ты можешь вызвать другой автобус вместо этого?

– Я не в Сизтле. Дня через четыре после того, как прекратится снегопад, наверное, мог бы.

– А в Болтоне есть полицейский участок?

– Я позвонил; вот жду, что ответят.

– Наверняка у них есть ремонтные машины.

– Точно есть. По крайней мере, одна. Стоит возле заправки на углу и может оттащить сломавшийся пикап весом в полтонны. С автобусом такого размера, как у нас, ей не справиться.

– А как насчет фермерских тракторов?

– Потребуется штук восемь и очень толстые цепи.

– Школьный автобус? Мы пересадили бы в него пассажиров.

– Дорожный патруль нас не бросит. Они приедут за нами.

– Тебя как зовут? – спросил Ричер.

– Джей Нокс.

– Думай вперед, мистер Нокс. В лучшем случае дорожный патруль находится от нас в часе езды. В такую погоду – скорее всего, в двух. И трех, учитывая, с чем им приходится иметь дело. Так что нам нужно шевелиться. Через час автобус превратится в морозилку, а через два старики начнут умирать как мухи. Может, даже раньше.

– И что ты предлагаешь?

Ричер собрался ему ответить, когда зазвонил мобильный телефон. Нокс нажал на кнопку, и его лицо немного посветлело, однако уже в следующее мгновение он снова помрачнел.

– Спасибо, – сказал он и закрыл телефон. Потом посмотрел на Ричера и объяснил: – В Болтоне есть полицейский участок, и они пришлют к нам человека. Но у них свои проблемы, так что это займет некоторое время.

– Сколько?

– По меньшей мере час.

– Какие у них проблемы?

– Они не сказали.

– Тебе придется завести двигатель.

– У стариков есть пальто.

– Не слишком теплые.

– Я боюсь пожара.

– Дизельное топливо гораздо менее пожароопасное, чем бензин.

– А ты что, специалист?

– Я служил в армии. Грузовики и «хамви» ездили на дизеле. И не просто так. – Ричер посмотрел на проход. – У тебя есть фонарик? И огнетушитель?

– Зачем?

– Проверю, что там у нас внизу. Если все в порядке, я два раза постучу в пол. Ты заведешь мотор. Если что-то загорится, я потушу и снова постучу, тогда ты вырубешь двигатель.

– Ну, не знаю.

– Это единственное, что мы можем сделать. Нельзя сидеть и просто ждать помощи.

Нокс некоторое время молчал, потом пожал плечами, открыл еще пару отделений и достал серебристый «Мэглайт» и огнетушитель. Ричер взял их, дождался, когда откроется дверь, и выбрался в призрачный мир мигающих малиновых огней. Он снова оказался в канаве, но на сей раз пошел против часовой стрелки вокруг носа автобуса, потому что

левая часть, в отличие от правой, находилась под острым углом над асфальтом. Перспектива ползти по засыпанной снегом канаве его не особенно привлекала, а вот подобраться к брюху автобуса по обочине показалось несколько приятнее.

Ричер нашел дверцу горловины топливного бака, сел в снег, затем развернулся, лег на спину и заполз головой вперед под бок автобуса. Включив фонарик, он нашел толстый шланг, который шел от горловины к баку, и пришел к выводу, что тот не пострадал. Сам бак представлял собой громадный цилиндр с округлыми углами и был слегка поцарапан и помят после всего, что ему довелось пережить, но из него ничего не вытекало. Шланг, шедший к двигателю, тоже выглядел целым. Снег промочил куртку и рубашку Ричера, он чувствовал холодную сырость на коже и начал замерзать.

Концом фонарика Джек постучал два раза по дну автобуса. Через некоторое время он услышал щелчки реле, топливный насос чихнул, взвыл и заработал. Ричер проверил бак, за ним шланг, насколько позволил луч фонарика. Потом уперся ногами в снег и прополз дальше под автобус.

Нигде ничего не вытекало.

Включился стартер. Потом двигатель. Он некоторое время стучал, трещал и гремел, но в конце концов Ричер услышал ровный, тяжелый, равномерный ритм.

Нигде ничего не вытекало.

Огня тоже не было.

И дыма.

Ричер, изо всех сил сражаясь с холодом, дал двигателю минуту и использовал это время, чтобы проверить остальное. Большие шины выглядели в полном порядке. Часть передней подвески пострадала, на дне багажного отделения виднелись вмятины, мелкие трубки и шланги разорвались, лопнули или смялись. Ричер не сомневался, что какая-то страховая компания в Сиэтле получит солидный счет.

Он выбрался из-под автобуса и стряхнул снег с промокшей одежды. Вокруг него бушевала непогода; тяжелые большие снежинки, кружась, падали на землю. Следы, которые он оставил всего четыре минуты назад, уже припорошило белой пылью. Ричер прошел вдоль них к оврагу и к двери автобуса. Нокс его ждал и тут же открыл ее. Вместе с порывом ветра внутрь ворвалась туча снега, Ричера передернуло, но дверь тут же закрылась.

И в этот момент двигатель перестал работать.

Нокс уселся на свое место и нажал на кнопку стартера. Ричер услышал, как в задней части автобуса заработал мотор, заворчал, принялся стучать, чихнул, потом снова и снова.

И ничего не произошло.

– Что ты там видел внизу? – спросил Нокс.

– Разные повреждения, – ответил Ричер. – Целую кучу.

– Помятые трубки?

– Пару штук.

Нокс кивнул.

– Топливный шланг порвался. Мы использовали то, что там оставалось, но больше ничего не поступает. Плюс, возможно, проблема с тормозами. Так что, может, и хорошо, что двигатель не работает.

– Позвони еще раз в полицейский участок Болтона, – сказал Джек. – Ситуация очень серьезная.

Нокс набрал номер, а Ричер направился к пассажирам. Он вытащил пальто с верхних багажных полок и попросил их одеться, не забывая про шапки и перчатки, а также шарфы и все, что у них есть.

У него самого ничего не было. Только то, что на нем, но его одежда промокла насквозь, и он начал замерзать. Его тело постепенно отдавало тепло, и он дрожал, не сильно, но непре-

рывно. *Будь осторожен в своих желаниях.* Жизнь без багажа имела множество преимуществ, но также и очень серьезных недостатков.

Ричер направился назад к Ноксу. В щель в двери внутрь проникал холодный воздух, и в передней части автобуса было холоднее, чем в хвосте.

– Ну? – спросил он.

– Они пришлют машину, как только смогут, – ответил водитель.

– Машины недостаточно.

– Я им сказал. И подробно описал нашу проблему. Они обещали что-нибудь придумать.

– Ты видел раньше подобные бури?

– Это не буря. Настоящая в шестидесяти милях от нас, а тут только ее край.

Ричера передернуло.

– Она направляется в нашу сторону?

– Без вопросов.

– Как быстро?

– Тебе лучше не знать.

Ричер оставил его, прошел по проходу мимо последних сидений и уселся на полу около туалета, прислонившись спиной к задней стенке автобуса, надеясь, что остатки тепла от остывающего двигателя его согреют.

И стал ждать.

Было без пяти минут пять утра.

Осталось пятьдесят девять часов.

## Глава 03

Через сорок пять минут адвокат добрался до дома. Это был длинный, медленный путь. Подъездную дорожку засыпал снег, и адвокат пару минут переживал, что дверь гаража замерзла и он не сможет ее открыть. Но когда он нажал на кнопку дистанционного управления, моторчик в половину лошадиной силы, установленный на потолке, сделал свое дело, дверь поднялась, и он въехал внутрь. Однако дверь отказалась закрываться из-за снега, который он притащил на своих колесах, и сработала игрушечная система защиты. Поэтому адвокат снова принялся возиться с калошами, надел их, взял лопату и выбросил снег наружу.

Дверь закрылась. Адвокат снова снял калоши и пару мгновений стоял перед входом в прихожую, собираясь с силами, очищаясь, как будто принимал мысленный душ. Без двадцати шесть. Он прошел в теплую кухню и поздоровался со своей семьей, как будто это был самый обычный день.

К без двадцати шесть внутри автобуса было темно и невероятно холодно, и Ричер, обхвативший себя руками, отчаянно дрожал. Впереди двадцать стариков и водитель делали примерно то же самое. Окна с наветренной стороны почернели от налипшего снега; те, что находились с подветренной, были серыми. Снежная буря, которую принес с северо-востока безжалостный зимний ветер, билась в аэродинамическое препятствие, коим стал неподвижный автобус, бушевала над, под и вокруг него, вихрилась в вакууме за ним, и огромные неведомые снежинки исполняли за окнами свой безумный танец.

И тут в толстом сером пологе появились едва различимые огни. Белые, красные и синие, бледные светящиеся сферы вращались, возникали и пропадали в почти непроглядном мраке. Потом в жуткой тишине послышался приглушенный стук цепей противоскольжения. С противоположной стороны по шоссе к ним медленно, осторожно приближалась полицейская машина.

Прошла, казалось, бесконечная минута, прежде чем коп забрался в автобус. Он прошел через канаву и в дверь, но он только что вылез из теплой машины и был в зимних сапогах, непромокаемых штанах, перчатках и парке, а еще поверх меховой шапки с ушами надел пластиковый дождевой щиток, так что он чувствовал себя прекрасно. Высокий и худой, с морщинами вокруг голубых глаз, он повидал на своем веку много летнего солнца и зимних ветров. Он сказал, что его зовут Эндрю Петерсон и что он заместитель начальника полицейского управления Болтона. Сняв перчатки, коп прошел по проходу, пожимая всем руки и представляясь, снова и снова, каждому пассажиру и семейным парам. Его манеры были искренними, открытыми и полными энтузиазма, как и следует деревенскому парню, который рад прийти на помощь в сложной ситуации. Но Ричер наблюдал за его голубыми глазами и видел, что все совсем не так просто. Он сразу понял, что этот Петерсон на самом деле очень умен, и на уме у него гораздо больше, чем обычное спасение людей, ставших жертвой дорожного происшествия.

Это впечатление подтвердилось, когда Петерсон начал задавать вопросы. Кто они такие? Откуда приехали? Где сегодня началось их путешествие и куда они направлялись? Зарезервированы ли для них номера в отеле там, куда они едут? Легкие вопросы для Нокса и двадцати пожилых людей, группы туристов из Сиэтла, направлявшихся из одной точки маршрута в музей «Дакоталенд» в другую рядом с Горой Рашмор, и, да, у них зарезервировано тринадцать номеров в мотеле рядом с памятником, для четырех семейных пар плюс четыре номера на двоих, четыре одноместных для тех, кто доплатил за дополнительные удобства, и отдельный номер для Нокса.



Абсолютно честная и совершенно ненужная в данных обстоятельствах информация.

Петерсон попросил Нокса показать бумаги, подтверждающие заказ номеров в мотеле. Затем он повернулся к Ричеру, улыбнулся и сказал:

– Сэр, я Эндрю Петерсон, заместитель начальника полицейского управления Болтона. Будьте любезны, сообщите мне, кто вы такой?

Многие копы, служащие в полицейских участках в глубинке, являются бывшими военными, но Ричер сразу понял, что Петерсон к их числу не относится. У него не возникло ощущения сопричастности. Скорее всего, Петерсон был исключительно правильным парнем, хорошо учился в школе, а потом остался в родном городе, чтобы служить согражданам. Ричер даже сомневался, что он часто покидал Болтон. Специалист в вопросах местной жизни, он не очень разбирался в том, что происходило за пределами Болтона, но был полон решимости сделать все возможное, чтобы разобраться в любой проблеме.

– Сэр? – повторил Петерсон.

Ричер назвал ему свое имя, и Петерсон спросил, входит ли он в группу туристов. Ричер ответил, что не входит. Тогда Петерсон поинтересовался, что он делает в этом автобусе. Ричер сообщил, что едет на запад из Миннесоты и рассчитывает повернуть на юг в самое ближайшее время, где погода наверняка лучше.

– Вам не нравится наша погода?

– Не слишком.

– Вы остановили туристический автобус и попросили вас подвезти?

– Я заплатил.

Петерсон посмотрел на Нокса, и тот кивнул.

Тогда коп снова повернулся к Ричеру и спросил:

– Вы в отпуске?

– Нет, – ответил тот.

– В таком случае, я хотел бы знать, что вы тут делаете.

– Что я тут делаю, не имеет ни малейшего значения. Ничто не имеет. Никто из нас не предполагал, что мы окажемся в положении, в котором оказались. Все, что произошло, – чистой воды случайность. Обычная авария. Таким образом, между нами и тем, о чем вы сейчас думаете, нет ни малейшей связи. Просто не может быть.

– А кто сказал, что я о чем-то думаю?

– Я.

Петерсон наградил Ричера суровым, долгим взглядом.

– Что произошло с автобусом?

– Думаю, виноват лед, – сказал Ричер. – Я не знаю наверняка, я спал.

Петерсон кивнул.

– Тут мост, который совсем не похож на мост. Но есть предупреждающий знак.

– Навстречу ехала машина, ее сначала занесло, потом она завертелась на месте. Я резко повернул руль, – вмешался Нокс, в голосе которого появился намек на попытку оправдаться.

Петерсон с сочувствием и без осуждения посмотрел на него и снова кивнул.

– Такое случается, если резко повернуть руль. С кучей людей. Да, и со мной бывало.

– Нужно вывести пассажиров из автобуса, – сказал Ричер. – Иначе они тут до смерти замерзнут. Кстати, я тоже.

Петерсон молчал целую секунду. *Между нами и тем, о чем вы сейчас думаете, нет ни малейшей связи.* Потом в третий раз кивнул, на сей раз уверенно, как будто принял решение, и крикнул:

– Послушайте меня, ребята. Мы отвезем вас в город, где сможем о вас позаботиться. Дама со сломанной ключицей и дама с запястьем поедут со мной в машине, за остальными в самое ближайшее время прибудет транспорт.

Перебраться через засыпанный снегом овраг двум пожилым дамам оказалось не под силу, и Петерсон перенес на руках одну, а Ричер – другую. Полицейская машина стояла в десяти ярдах, но шел такой сильный снег, что Джек ее практически не видел, а, когда повернулся после того, как Петерсон ушел, не смог разглядеть автобус, и его охватило ощущение, будто он оказался один посреди белого безмолвия. Снег залеплял лицо, глаза, уши, шею, окружал плотным одеялом, слепил. А еще Ричер невероятно замерз. На мгновение его охватила паника: если по какой-то необъяснимой причине он лишний раз повернется и пойдет не в ту сторону, он даже не сразу это поймет. Просто будет шагать вперед, пока не замерзнет и не упадет замертво.

Ричер сделал широкий шаг в сторону и увидел малиновое мерцание аварийных огней, которые продолжали отважно сражаться со снегопадом. Он использовал их в качестве ориентира, чтобы найти автобус, вышел к нему с подветренной стороны, обогнул нос под порывами сильного ветра и через канаву подобрался к двери. Нокс его впустил, и они вместе устроились в проходе, глядя в темные окна и размышляя о том, какой же транспорт за ними пришлют.

Было без пяти шесть вечера.

Осталось пятьдесят восемь часов.

В шесть часов четырнадцать преступных предложений наконец оказались на бумаге. Человек, которому звонил адвокат, был достаточно умным с точки зрения законов улицы, но всегда считал, что ум главным образом заключается в том, чтобы знать, до какого предела можно дойти; впрочем, лично он был склонен несколько легкомысленно относиться к деталям, когда оказывался под давлением. А сейчас складывалась именно такая ситуация. И в этом не приходилось сомневаться. Чтобы превратить предложения в действия, требовалась санкция некоторых очень осторожных людей.

Поэтому он записал все четырнадцать отдельных параграфов, затем отключил зарядку от новенького, с выходом в Интернет, мобильного телефона и начал набирать номер.

За ними прислали школьный автобус... впрочем, не совсем. Вне всякого сомнения, стандартный «Блю берд», нормального размера, обычной формы и пропорций, только не желтый, а серый с металлической сеткой на окнах и надписью на боках «Управление исправительных учреждений».

Выглядел он почти новым.

– Лучше, чем ничего, – сказал Нокс.

– Я бы и в катафалке поехал, если бы там была печка, – заявил Ричер.

Тюремный автобус пересек три полосы и некоторое время маневрировал, пока не остановился точно параллельно зарывшемуся в снег автобусу, так что его ступенька оказалась ровно по центру, и Ричер сразу понял почему. Там имелся аварийный выход, представлявший собой окно, которое легко выдавливалось. Петерсон увидел овраг, пассажиров и это окно, принял правильное решение и позвонил своим в Болтон. Все-таки он оказался умным парнем.

При обычных обстоятельствах восемнадцать пожилых людей пришлось бы долго уговаривать вылезти в открытый люк, в бушующий снегопад, да еще на руки к незнакомому человеку, но пронзительный мороз сделал их сговорчивыми. Нокс помогал им забраться наверх, а Ричер опускал вниз. Совсем простая задача, если не считать холода и снега. Самым легким из пассажиров оказался мужчина, который весил не больше сорока трех килограммов. Самая тяжелая женщина – около девяноста одного. Все мужчины заявили, что сами

пройдут расстояние между автобусами, ни одна из женщин не стала возражать против того, чтобы ее отнесли туда на руках.

Тюремному автобусу, хоть и почти новому, было далеко до роскошного средства передвижения. Места для пассажиров отделяла от водителя блестящая стальная клетка; сиденья оказались узкими, жесткими, обитыми ярким пластиком. На полу лежали резиновые коврики, а сетка на окнах производила пугающее впечатление. Зато там имелась печка. Впрочем, вряд ли штат таким образом проявлял заботу о заключенных; просто производитель встроил ее для школьников, для которых предназначался автобус, а власти штата не стали убирать. И не более того. Что-то вроде пассивного благородства. Водитель включил температуру и вентилятор на максимум. Молодец Петерсон!

Ричер и Нокс рассадил пассажиров, затем вернулись на холод и стали перетаскивать их вещи из багажного отделения, понимая, что старикам понадобятся пижамы, и ночные рубашки, и лекарства, а также смена белья и туалетные принадлежности. Чемоданов оказалась чертова прорва, и они заняли все свободные сиденья тюремного автобуса и большую часть прохода. Нокс уселся на одном из них, Ричер же ехал, стоя рядом с водителем и поставившись оказаться как можно ближе к печке.

Свирепый ветер набрасывался на автобус, но на шинах были цепи, и он уверенно продвигался к цели. Через семь миль возле ржавого знака, почерневшего от пороха от пистолетного выстрела, они с грохотом съехали с шоссе и покатались по двухполосной дороге. Миновали знак, гласивший: *Впереди исправительное заведение, не останавливаться и не подбирать пассажиров, путешествующих автостопом*. Знак был новенький, точно вчера с завода, блестящий, выкрашенный отражающей краской. Ричеру он совсем не понравился, поскольку означал, что уехать из городка утром будет труднее, чем он рассчитывал.

Неминуемый вопрос прозвучал менее чем через минуту. Женщина, сидевшая рядом с водителем, посмотрела налево, потом направо, немного смутилась, но все-таки задала мучивший ее вопрос:

– Нас ведь не собираются разместить в *тюрьме*?

– Нет, конечно, мэм, – ответил Ричер. – Скорее всего, нас поселят в мотеле. Просто, думаю, этот автобус оказался единственным свободным сегодня вечером.

– Все мотели переполнены, – сообщил водитель автобуса и замолчал.

Было без пяти семь вечера.

Осталось пятьдесят семь часов.

Двухполосная дорога убегала вперед больше чем на десять миль, хотя видимость была не больше десяти ярдов. В свете фар падающий снег блестел особенно ярко, а что находится дальше, можно было только предполагать. Ричер решил, что плоский участок дороги, судя по ровному урчанию мотора. Ни гор, ни долин, только прерия, кажущаяся особенно ровной из-за снега, которого к утру наверняка нападает еще больше фута.

Затем они миновали знак «Граница города Болтон, нас. 12.261». Не такое уж и маленькое местечко, как выяснилось. Вовсе не крошечная точка на карте. Водитель не стал сбрасывать скорость, и они проехали еще милю или даже две под мелодичный звон цепей на колесах. Затем в воздухе возникло сияние уличного фонаря, потом еще одного, и Ричер разглядел около боковой улицы припаркованный полицейский автомобиль, который перекрывал въезд. Проблесковый фонарь у него на крыше медленно, лениво вращался; судя по всему, машина стояла здесь довольно долго, и следы от ее шин уже наполовину занесло снегом.

Автобус прогромыхал еще около четверти мили, потом поехал медленнее и трижды повернул. Направо, налево, снова направо. И тут Ричер увидел низкую стену, засыпанную сверху снегом, с надписью, шедшей по всей длине: *Полицейское управление Болтона*. За стеной обнаружилась большая парковка с гражданскими автомобилями, седанами, грузови-

ками и пикапами. Все они выглядели так, будто их поставили тут пару минут назад. Свежие следы от шин, чистые ветровые стекла, тающий снег на капотах. Автобус проехал мимо, сбросил скорость и вскоре остановился напротив освещенного входа в вестибюль. Мотор громко урчал, печка продолжала работать. Здание полицейского участка было невысоким и длинным и совсем не маленьким, с плоской крышей и целым лесом антенн, торчащих из снега. По обеим сторонам входной двери стояли урны для мусора, похожие на двух горделивых стражей.

Вестибюль выглядел так, будто там было тепло.

Водитель тюремного автобуса сдвинул ручку в сторону и открыл дверь. Тут же из участка вышел парень в парке и с лопатой в руке и принялся расчищать снег между урнами. Ричер и Нокс начали перетаскивать чемоданы из прохода внутрь полицейского участка. Снег шел уже не так сильно, зато стало намного холоднее.

Затем из автобуса начали выходить пассажиры, Нокс помогал им спуститься по ступенькам, Ричер вел по дорожке, а парень в парке заводил внутрь. Часть сразу уселась на скамейки, другие остались стоять, кто-то расхаживал взад и вперед. Вестибюль представлял собой простой квадрат с тусклым линолеумом на полу и блестящей краской на стенах. В дальнем конце находилась конторка дежурного, на стене за ней висели пробковые доски с объявлениями всех видов и размеров. Перед ними сидел пожилой мужчина в гражданском – судя по всему, не коп, а какой-то помощник.

Парень в парке на мгновение куда-то пропал, но тут же вернулся с мужчиной, Ричер решил, что это начальник участка. Он был в ремне с кобурой и в форме с двумя металлическими полосками, продетыми в углы воротника и похожими на знаки различия армейского капитана. Сам он выглядел так, как будет выглядеть Петерсон лет через пятнадцать, – высокий, худой сельский житель, немного сутулый и рыхлый. Вид у него был занятой, усталый и немного печальный, как будто его замучили проблемы и прошлое представляется гораздо привлекательнее настоящего. Но, с другой стороны, и относительно довольный, потому что он столкнулся с простой задачей, решить которую не составит никакого труда. Он встал, прислонившись спиной к конторке, и поднял руки, призывая к тишине, хотя все и так молчали.

– Добро пожаловать в Болтон, друзья, – сказал он. – Меня зовут шеф Том Холланд, и я позабочусь, чтобы вам было тепло и удобно. Плохая новость состоит в том, что все мотели переполнены, но есть и хорошая – жители Болтона не относятся к числу тех, кто допустит, чтобы группа путников, оказавшихся в беде, провела ночь на кроватях в школьном спортивном зале. Поэтому мы бросили клич касательно пустующих гостевых комнат в домах горожан, и я с радостью сообщаю вам, что наш призыв не остался без внимания, поэтому в данный момент здесь находится около дюжины человек, готовых пригласить вас в свои дома, как почетных гостей и вновь обретенных друзей.

Его слова были встречены тихим шепотом, в котором звучало немного удивления, чуть-чуть сомнений и явное удовольствие. Лица стариков сияли, они заулыбались и даже попытались выпрямить спины.

Шеф Холланд вывел из боковой комнаты горожан, согласившихся их приютить, – пять семейных пар, пятерых мужчин и четверых женщин. Неожиданно в вестибюле стало невероятно тесно; люди расхаживали туда и сюда, пожимали руки, представлялись, собирались в группы и искали в гуде багажа свои вещи.

Ричер принялся мысленно их считать. Тринадцать группок людей – это тринадцать свободных гостевых комнат, что совпадало с числом номеров в мотеле около Горы Рашмор, обозначенном в бумагах Нокса.

Ричер там не значился.

Он стоял и наблюдал, как пустеет вестибюль. Люди забирали чемоданы, им предлагали помощь, открывались двери, и к ожидавшим машинам выходили по двое, трое и четверо человек. Все закончилось через пять минут, и Ричер остался в вестибюле в полном одиночестве. Затем вернулся парень в парке и, закрыв двери, исчез в коридоре. А ему на смену пришел шеф Холланд, который посмотрел на Ричера и сказал:

– Давайте подождем в моем кабинете.

Было без пяти восемь утра.

Осталось пятьдесят шесть часов.

## Глава 04

Кабинет Холланда выглядел, как тысячи кабинетов, которые Ричер видел в своей жизни. Скучный муниципальный декор, явно результат тендера, выигранного тем, кто предложил минимальную стоимость работ. Всюду облезлая глянцевая краска, толстая, неровная и морщинистая, виниловая плитка на полу, обклеенный фанерой письменный стол, шесть картотечных стеллажей, явно появившихся на свет в прошлом веке, расставленных неровной линией вдоль стены под скучными часами, какие принято вешать в учреждениях. На центральном картотечном ящике под часами стояла фотография улыбающегося рядом с женщиной и ребенком шефа Холланда – только на ней он был прямее, сильнее и моложе. Семейный портрет, снятый лет десять назад. Женщина показалась Ричеру привлекательной, с бледной кожей, светлыми волосами и жесткими чертами лица. Очевидно, жена Холланда. Ребенок, девочка лет восьми или девяти, была белокожей, несформировавшейся и какой-то невнятной. Видимо, их дочь. На столе шефа лежала пара игровых кубиков – большие, старые, костяные, потрепанные от долгого использования и возраста, точки стерлись и почти исчезли, а по всей поверхности шли полоски в тех местах, где мягкий кальций сменила более жесткая эмаль. Кроме фотографии и кубиков, в кабинете шефа полиции Ричер не обнаружил других личных вещей. Все остальное имело отношение исключительно к делу.

Холланд сел за стол в потрепанное кожаное кресло. У него за спиной находилось окно без шторы, с тройными прозрачными стеклами, защищавшими от холода. За ними царила мгла, на подоконнике снаружи лежал снег, под окном стоял обогреватель.

Ричер уселся в кресло для посетителей, стоящее перед столом.

Холланд молчал.

– И чего я жду? – поинтересовался Джек.

– Мы хотели предложить вам то же гостеприимство, что и остальным пассажирам.

– Но на меня не нашлось покупателей?

На лице Холланда промелькнула усталая улыбка.

– Не совсем. Эндрю Петерсон предложил взять вас к себе. Но он сейчас занят. Поэтому вам придется подождать.

– И чем он занят?

– Чем обычно занимаются копы.

– Ваш город оказался больше, чем я ожидал, – заметил Ричер. – Навигатор туристического автобуса показал его в виде крошечной точки на карте.

– Мы разрослись. А данные навигатора, наверное, немного устарели.

В кабинете было даже слишком жарко, Ричер перестал дрожать и начал потеть. Его одежда постепенно высыхала и становилась жесткой от грязи.

– Вы разрослись из-за тюрьмы, которую здесь построили, – сказал он.

– Как вы догадались?

– Новый тюремный автобус. Новый знак на съезде с автострады.

– Мы получили федеральную тюрьму, – кивнув, подтвердил Холланд. – Мы сражались. Все хотели, чтобы ее у нас построили. Это вроде как получить «Тойоту», чтобы открыть завод по сборке. Или «Хонду». Много работы и много долларов. А потом штат перевел сюда же исправительное заведение, что означало еще рабочие места и доллары. Кроме того, здесь же находится тюрьма округа.

– Именно по этой причине сегодня переполнены все мотели? Завтра день посещений.

– Всего в тюрьме три дня посещений в неделю. А из-за расписания автобусов многим приходится оставаться в городе на два дня. Короче, все спальные места заняты шесть дней в неделю. Владельцы мотелей катаются как сыр в масле. Ну и, конечно, хозяева кафе,

пиццерий и компания, которой принадлежат автобусы, занимающиеся развозкой. В общем, повторяю еще раз: работа и деньги.

— А где находится комплекс?

— В пяти милях к северу. Вечный дар богов.

— Повезло вам, — сказал Ричер.

Холланд несколько секунд молчал, а потом проговорил:

— Я уже давно выучил правило, гласящее, что дареному коню в зубы не смотрят.

В дверь постучал парень в парке, сразу вошел и вручил Холланду закрытую папку. Часы на стене показывали восемь вечера, что полностью соответствовало часам в голове Ричера. Холланд развернулся на своем кресле, открыл папку на девяносто градусов и держал ее так, чтобы Ричер не смог увидеть, что внутри. Но страницы отражались в оконном стекле за головой Холланда. В папке лежали фотографии с места преступления, глянцевые, восемь на десять, с печатными ярлычками в нижнем углу. Холланд просмотрел их, сначала общий план, потом серию тех, что были сделаны с близкого расстояния: лежащее на заснеженной земле тело в черной одежде, крупное, скорее всего, мужское, вероятно мертвое, на правом виске рана от сильного удара. Крови нет.

Когда еще они находились в туристическом автобусе, Нокс закрыл свой мобильный телефон и сказал: *В Болтоне есть полицейский участок, и они пришлют к нам человека. Но у них свои проблемы, так что это займет некоторое время.*

Холланд захлопнул папку, но ничего не сказал. Он оказался сдержанным, немногословным человеком. Как и сам Ричер. В конце концов, они просто сидели напротив друг друга и ничего не говорили. Молчание не было враждебным, но в нем чувствовалось скрытое значение. Холланд положил ладонь на закрытую папку и время от времени посматривал то на нее, то на своего посетителя, как будто не мог прийти к выводу, что из этого представляет более серьезную проблему.

Когда в Болтоне, штат Южная Дакота, было восемь часов вечера, в Мехико, в тысяче семистах милях южнее и почти шестнадцати градусах теплее, пробило девять. Мужчина, взявший трубку телефона, вычислить который не представлялось возможным, собирался сам сделать звонок из своей городской виллы, окруженной надежными стенами, в загородный особняк, тоже обнесенный оградой и находящийся в сотне миль от его дома. Там другой человек молча его выслушает и пообещает за двенадцать часов разобраться с проблемой. Обычно все происходило именно так. Серьезные дела не решаются без вдумчивого размышления, которое позволяет избежать непредвиденных ошибок и предпринять смелые действия.

В кабинете Холланда царили тишина и неподвижность, но Ричер слышал, что жизнь в участке продолжается: кто-то пришел, потом, примерно через полчаса, начала хлопать дверь — люди уходили. Затем снова наступила тишина. Смена караула, решил он. На трехсменную систему не похоже, скорее, их две. Дневное дежурство закончилось, и началось ночное, двенадцать и двенадцать часов, возможно, с половины девятого утра до половины девятого вечера. Необычное и, вероятно, временное явление. Судя по всему, из-за какого-то краткосрочного кризиса.

*У них свои проблемы.*

Эндрю Петерсон вернулся в участок примерно в двадцать минут десятого вечера, засунул голову в кабинет Холланда, и тот вышел к нему в коридор, прихватив с собой папку со снимками с места преступления. Конференция, которую они устроили экспромтом, продолжалась недолго, меньше пяти минут. Ричер решил, что Петерсон видел труп в реальности,

а потому ему не требовалось разглядывать фотографии. Два копа вернулись в офис и остановились по центру, и весь их вид говорил о том, что они сдались. У них выдался длинный день, завтра их ждал такой же, но до тех пор – ничего. Это чувство было хорошо знакомо Ричеру по тем годам, которые он служил военным полицейским. Впрочем, оно не возникало, когда на вверенной ему территории появлялся труп.

– Пошли, – сказал Петерсон.

Двадцать пять минут десятого вечера.

Осталось пятьдесят четыре с половиной часа.

Двадцать пять минут десятого вечера в Южной Дакоте и двадцать пять минут одиннадцатого вечера в обнесенном оградой южном особняке в сотне миль от Мехико. Хозяин был невероятно низкого роста, и звали его Платон. Кое-кто считал, что он бразилец и по принятой там традиции взял себе короткий запоминающийся псевдоним вместо длинного ряда родовых имен, стоящих в свидетельстве о рождении. Как, например, звезда футбола Эдсон Арантес ду Насименту, который назвался Пеле. Или другой футболист, Рикардо Изексон душ Сантуш Лейте, ставший Кака. Другие утверждали, что Платон колумбиец, и во многих отношениях это было более логично, учитывая то, чем он занимался. Но имелись и третьи, заявлявшие, что он мексиканец.

Однако все сходились на том, что Платон настоящий коротышка; впрочем, никто не осмеливался сказать ему это в лицо. В водительских правах было написано, что его рост составляет пять футов и три дюйма. На самом же деле он дотягивал лишь до пяти футов и одного дюйма в специальных ботинках на высокой подошве, а без них был всего четырех футов и одиннадцати дюймов.

Причиной, по которой никто не осмеливался говорить о росте Платона ему в лицо, являлся его бывший дружок по имени Мартинес. Тот вступил с Платоном в перепалку, вышел из себя и назвал его карликом. Мартинеса доставили в лучшую больницу Мехико без сознания. Там его сразу же отвезли в операционную, положили на стол и сделали анестезию. Затем его измерили от макушки и до самых пяток, но в том месте, где сантиметр показал четыре фута и одиннадцать дюймов, провели линию, получилось примерно возле коленей. После этого команда хирургов и медсестер произвела двойную ампутацию аккуратно, очень чисто и по всем правилам. Мартинеса продержали в больнице два дня, после чего доставили домой на машине «Скорой помощи».

Платон передал его семье подарок с открыткой, в которой говорилось, что он хочет, чтобы его дар постоянно находился на виду. В данных обстоятельствах его желание было правильно интерпретировано как приказ. Родные Мартинеса подумали, исходя из веса плечущейся внутри жидкости и размеров, что он прислал им аквариум с тропическими рыбками; когда же они сняли оберточную бумагу, оказалось, что это действительно аквариум, только наполненный формальдегидом с плавающими в нем щиколотками, икрами и стопами Мартинеса – в общей сложности примерно десять дюймов конечностей.

С тех пор никто и никогда не говорил про рост Платона.

Он ответил на звонок из особняка, обнесенного надежной стеной, и пообещал, что проблема будет решена через двенадцать часов, хотя считал: нет никакого смысла отводить столько времени на такую мелочь, касающуюся относительно мелкого филиала большой и сложной международной организации. Так что через полтора часа он уже знал, что следует сделать. Он прикажет заткнуть свидетеля. И без промедления отправит с заданием своего человека.

Более того, он пойдет на один шаг дальше и добавит к списку пятнадцатый пункт. Платона немного разозлило, что это никому не пришло в голову. Но, с другой стороны, он Платон, а они – нет.



Из соображений безопасности он разорвет цепь.  
Заставит замолчать и адвоката.

## Глава 05

Петерсон вывел Ричера на улицу, где царил жуткий холод, и спросил, хочет ли он есть. Тот ответил, что смертельно проголодался. Тогда Петерсон поехал в один из ресторанов сети, расположенный рядом с заправочной станцией на главной дороге, ведущей к автострате. У него был самый обычный полицейский «Форд Краун Виктория» с зимними шинами на передних колесах и цепями на задних. Внутри пахло печкой, резиной, гамбургерами и греющимися приборами. Снаружи снег почти прекратился.

– Слишком холодно для снега, – объяснил Петерсон, и Ричер ему поверил.

Ночное небо частично расчистилось от туч, и на землю опрокинулась огромная чаша ледяного арктического воздуха, который тут же пробрался под слишком легкую одежду Ричера; он снова замерз, и его начало трясти, хотя идти от машины до ресторана было совсем недалеко.

– Мне показалось, что ожидается серьезная буря, – сказал он.

– Ожидается две серьезные бури, – ответил ему Петерсон. – И они толкают перед собой холодный воздух.

– И скоро они сюда доберутся?

– Довольно скоро.

– И тогда станет теплее?

– Немного. Достаточно, чтобы снова пошел снег.

– Хорошо. По мне так лучше снег, чем холод.

– Думаешь, сейчас холодно? – спросил Петерсон.

– Ну, уж точно не тепло.

– Это ерунда.

– Я знаю, – сказал Ричер. – Я был зимой в Корее. Там было холоднее, чем здесь.

– Но?

– Армия выдавала нормальную одежду.

– И что?

– По крайней мере, в Корее было интересно, – заявил Ричер, и Петерсон явно обиделся.

В ресторане не оказалось ни одного посетителя, и у Ричера сложилось впечатление, что они собираются закрываться. Но они с Петерсоном все равно туда вошли и уселись за столик для двоих, пластмассовый квадрат размером тридцать на тридцать дюймов, который сразу стал слишком маленьким.

– Болтон очень даже интересный город, – сказал Петерсон.

– Труп?

– Да, – ответил Петерсон, помолчал мгновение и спросил: – Какой труп?

– Поздно, – улыбнувшись, сказал Ричер.

– Только не говори мне, что тебе рассказал про него шеф Холланд.

– Нет, конечно. Но я довольно много времени провел в его кабинете.

– Один?

– Он не оставлял меня ни на минуту.

– Но позволил посмотреть на снимки?

– Он изо всех сил старался, чтобы я их не увидел. Но ваша уборщица отлично вымыла окно.

– Ты их все видел?

– Ну, я не очень понял, мертв тот парень или же без сознания.

– Поэтому ты и развел меня по поводу службы в Корее.

– Я люблю понимать, что происходит. У меня страсть к знаниям.

К ним подошла официантка, уставшая женщина лет сорока в тапочках и форменной рубашке цвета хаки с завязанным узлом галстуком. Петерсон заказал тушеное мясо, Ричер решил последовать его примеру, но попросил принести потом еще кофе.

– Как долго ты прослужил в армии? – спросил Петерсон.

– Тринадцать лет.

– И был военным копом?

Ричер кивнул.

– Прошел медицинскую подготовку?

– Ты поговорил с пассажирами автобуса.

– И с водителем.

– Ты меня проверял.

– Естественно. Очень тщательно. Как ты думаешь, что еще я мог делать столько времени?

– И ты хочешь, чтобы я провел ночь в твоём доме.

– А у тебя есть местечко получше?

– Там ты сможешь за мной присмотреть.

– Ну, это ты сказал.

– Почему?

– Есть причины.

– Не хочешь сообщить, какие?

– Потому что у тебя страсть к знаниям?

– Наверное.

– Сейчас я могу тебе сказать только, что мы хотим знать, кто приезжает и уезжает из нашего города.

Петерсон замолчал, а через минуту официантка принесла их заказ – огромные тарелки, доверху наполненные пюре и мясом с соусом. Кофе сварили час назад, и он не отличался особым вкусом, зато был крепким.

– Чем именно ты занимался в военной полиции? – спросил Петерсон.

– Что приказывали, тем и занимался, – ответил Ричер.

– Серьезные преступления приходилось расследовать?

– Пару раз.

– Убийства?

– От попыток до серийных.

– Насколько хорошую медицинскую подготовку ты получил?

– Беспокоишься по поводу здешней еды?

– У меня тоже страсть к знаниям.

– На самом деле я прошел весьма поверхностную подготовку. Просто я пытался успокоить стариков и помочь.

– Они хорошо о тебе отзывались.

– Не верь им, они меня не знают.

Петерсон ничего не ответил.

– Где нашли мертвого парня? – спросил Ричер. – В том месте, где полицейская машина закрывает выезд из боковой улицы?

– Нет. Там не то. Труп находился в другом месте.

– И убили его не на той улице.

– Откуда ты знаешь?

– На снегу нет крови. Если нанести кому-то смертельный удар по голове, скальп неминуемо пострадает и будет очень много крови. Там была бы лужа в целый ярд диаметром.

Петерсон молчал целую минуту, потом спросил:

– Ты где живешь?

Трудный вопрос. Впрочем, не для Ричера. Как раз для него ответ не составлял никакой проблемы. Он не жил нигде, и так было всегда. Ричер родился в семье действующего военного офицера, в берлинском госпитале, и с того самого дня, как его вынесли оттуда завернутым в одеяло, болтался по всему миру, переезжая с одной военной базы на другую, его всегда окружали только дешевые вещи, заказанные по почте, а потом он сам поступил на службу и продолжал жить по тем же правилам.

Самым долгим периодом стабильности стала его жизнь в военном училище в Вест-Пойнте, но ему не нравились ни Вест-Пойнт, ни стабильность. Уволившись из армии, он продолжал путешествовать по стране, потому что ничего другого не умел, а еще это оказалось привычкой, с которой ему не удалось справиться.

С другой стороны, он не слишком сильно старался.

– Я кочевник, – ответил он.

– У кочевников имеются животные, – возразил Петерсон. – И они перемещаются с места на место в поисках пастбищ. Это определение.

– Ну ладно, я кочевник без животных.

– Ты бродяга.

– Возможно.

– У тебя нет багажа.

– И что? Ты за меня беспокоишься?

– Это необычное поведение, копы такого не любят.

– С чего ты взял, что путешествовать по стране необычнее, чем проводить каждый день в одном и том же месте?

Петерсон замер на мгновение, а потом сказал:

– У каждого человека есть вещи.

– Мне они не нужны. Если путешествовать налегке, можно очень далеко забраться.

Петерсон промолчал.

– Как бы там ни было, я не представляю для тебя никакого интереса, – продолжал Ричер. – Я знать не знал о существовании вашего Болтона. И если бы водитель автобуса не повернул руль слишком резко, я бы уже находился у Горы Рашмор.

Петерсон кивнул, неохотно соглашаясь с его словами.

– С этим не поспоришь, – сказал он.

Было без пяти минут десять вечера.

Осталось пятьдесят четыре часа.

В тысяче семистах милях к югу, в окруженном оградой особняке, который находился в ста милях от Мехико, Платон тоже ел – стейк, доставленный прямо из Аргентины. По местному времени было почти одиннадцать часов. Поздний ужин. Платон был в хлопковых штанах, белой рубашке, застегнутой на все пуговицы, и черных кожаных мокасинах – все из молодежной коллекции «Брукс бразерс». Одежда и туфли сидели на нем прекрасно, только выглядел он в них довольно странно. Их производили для толстых американских мальчишек из среднего класса, а Платон был старым, смуглым и приземистым, да еще с бритым черепом, по форме похожим на пулю.

Для него было важно покупать готовую одежду, которая идеально бы ему подходила, потому что о шитье на заказ не могло быть и речи. Он представлял себе, как портной развернет сантиметр, измерит его, потом замолчит, а в следующее мгновение искусственно нейтральным голосом начнет выкрикивать совсем маленькие цифры. Перешивать готовую одежду он тоже не собирался. Необходимость выносить посещения нервных портных, а потом потихоньку выбрасывать лишние обрезки ткани действовала на него удручающе.

Платон положил вилку и нож и вытер губы большой белой салфеткой. Затем взял мобильный телефон и дважды нажал на зеленую кнопку, чтобы повторить предыдущий вызов. Когда ему ответили, он сказал:

- Ждать нет никакой необходимости. Пришлите сюда того парня и уберите свидетеля. Мужчина в городской вилле спросил:
- Когда?
- Как только будет разумно.
- Хорошо.
- Адвоката тоже. Чтобы никаких связей не возникло.
- Хорошо.
- И позаботься о том, чтобы эти идиоты поняли, что они мне должны, много.
- Хорошо.
- И еще: скажи им, чтобы больше не беспокоили меня с подобным дерьмом.

Наполовину прикончив свою порцию тушеного мяса, Ричер спросил:

- Так почему заблокировали ту улицу?
- Может, там упал провод электропередачи, – ответил Петерсон.
- Надеюсь, нет. Потому что это выглядело бы довольно странно с точки зрения приоритетов. Вы оставили на целый час двадцать стариков замерзать на автостраде, а сами в это время караулили упавший провод в боковом переулке?
- Или, например, произошло ДТП.
- Ответ тот же.
- А это имеет значение? К тому моменту вы уже ехали в город.
- Машина простояла там час или два, ее следы почти полностью занесло снегом. Но ты сказал тогда, что в данный момент никто не может к нам приехать, поскольку все заняты.
- И не наврал. Тот коп был занят, он делал свою работу.
- Какую?
- Не твое дело.
- У вас большой участок?
- Достаточно.
- И все были заняты?
- Именно.
- И сколько из ваших парней сидело в припаркованных машинах и ничего не делало?
- Если тебя это беспокоит, поселись здесь, начни платить налоги и поговори с мэром или шефом Холландом.
- Я мог простудиться.
- Но ведь не простудился.
- Это еще неизвестно.

Они вернулись к прерванной еде и молчали, пока не зазвонил мобильный телефон Петерсона. Тот взял его, послушал, отключил и отодвинул свою тарелку в сторону.

- Мне нужно идти, – заявил он. – Ты подожди меня здесь.
- Я не могу, – сказал Ричер. – Они закрываются, уже десять часов. Официантка просто мечтает, чтобы мы отсюда убрались. Она хочет домой.

Петерсон промолчал.

- Я не могу пойти гулять, потому что не знаю, куда идти, да и холодно слишком, чтобы болтаться на улице.

Петерсон снова ничего не ответил.

- Я посижу в машине, а ты просто не обращай на меня внимания, – добавил Ричер.
- Ладно, – сказал Петерсон, но вид у него был не слишком счастливый.

Ричер оставил на столе двадцать долларов, и официантка ему улыбнулась. «И правильно сделала», – подумал он. За две порции тушеного мяса и кофе по ценам Южной Дакоты он оставил ей примерно шестьдесят процентов чаевых. Или вообще все было чаевыми, если Петерсон принадлежал к числу копов, которые ели в городе бесплатно.

Внутри «Краун вика» еще сохранился намек на тепло, Петерсон нажал на педаль газа, цепи ударились о землю, и машина помчалась по снегу, засыпавшему дорогу. Никакого другого транспорта, кроме снегоуборочных машин, воспользовавшихся тем, что снегопад временно прекратился, они не встретили. Их название вызывало у Ричера некоторое удивление, поскольку если они «уборочные машины», то должны убирать, а эти разбрасывали снег в разные стороны – значит, больше походили на бульдозеры. Но как бы там ни было, Петерсон промчался мимо них; он не останавливался на перекрестках, не ждал зеленого света, не тормозил.

– Куда мы едем? – спросил Ричер.

– На запад, в пригород.

– Зачем?

– Проникновение.

– В дом?

– На улице. Это из области «присматриваем за соседями».

И больше никаких объяснений. Он просто мчался вперед, сгорбившись над рулем, напряженный и сильно обеспокоенный. Ричер растянулся на сиденье рядом с ним, пытаясь понять, кто и куда мог проникнуть и почему заместитель начальника полиции города так отреагировал на звонок того, кто сообщил ему об этом.

В тысяче семистах милях к югу мужчина в обнесенной стенами вилле в Мехико набрал междугородный номер, чтобы позвонить в США. Последнее дело на сегодня. Одиннадцать часов по местному времени и десять по зимнему в большой стране, расположенной к северу. Ему ответили, и он передал указания Платона, медленно и очень точно, чтобы его правильно поняли и не произошло никаких ошибок. Он дождался подтверждения и повесил трубку. Платону он звонить не стал, в этом не было нужды. Платон не знал, что такое доклад о выполненном распоряжении. По его представлениям, за приказом следовало исполнение, примерно так же, как ночь сменяла день. Иначе просто быть не могло. Разве что мир перестал бы вращаться вокруг своей оси.

## Глава 06

Петерсон включил приемник в машине на полную мощность, и Ричер слышал четыре разных голоса из четырех отдельных машин. Все они патрулировали западный пригород, и ни один не видел нарушителей границ. Петерсон направлял свой автомобиль на улицы, которые они еще не успели проверить, сворачивал направо, потом налево, заезжал в тупики, выбирался оттуда задом, ехал дальше. Луна низко висела на небе, и Ричер видел в ее сиянии аккуратные пригородные районы, маленькие домики, выстроившиеся ровными рядами; за окнами горел мягкий свет, все тротуары, дорожки и дворы казались одинаковыми, плоскими и голубоватыми под ровным одеялом недавно выпавшего снега. Крыши украшали громадные, сверкающие в лунном свете шапки.

На некоторых улицах побывали снегоуборочные машины, и по обочинам высились громадные сугробы; до других, видимо, добраться не успели, и на них лежало нетронутое белоснежное покрывало, впрочем, не такое толстое, как во дворах и на подъездных дорожках. Судя по всему, этот снегопад был вторым или третьим за прошедшую неделю. Дороги засыпало, их чистили, но снег падал снова, и так до бесконечности – обычный зимний ритм жизни.

– Сколько человек? – спросил Ричер.

– Нам сообщили о двоих.

– В машине?

– Пешком.

– И что они делают?

– Просто ходят по району.

– В таком случае держись расчищенных улиц. Никто не станет ради удовольствия разгребать по снегу глубиной в шесть дюймов.

Петерсон на мгновение сбросил скорость, обдумал слова Ричера, молча развернулся и выбрал расчищенную улицу. Трактор ехал зигзагом по большим заносам, не пропуская боковые улицы, и на поверхности лежал лишь тонкий белый слой, а все лишнее было собрано в сугробы по обочинам, мягкие и еще чистые.

Они нашли нарушителей через четыре минуты.

Их оказалось двое, они стояли плечом к плечу напротив третьего мужчины, в котором Ричер узнал шефа Холланда. Свою машину, «Краун вик» без опознавательных знаков, темно-синюю или черную – в лунном свете определить было невозможно, – он оставил в двадцати ярдах. Но не вызывало сомнений, что это полицейская машина с антеннами на крышке багажника и спрятанными аварийными огнями, которые выглядывали из-под нижней полки. Водительская дверь осталась открытой, двигатель продолжал работать. Под выхлопными трубами образовались две черные лужи, растопившие снег. Ричер сразу догадался, что Холланд вышел из автомобиля и тут же встал перед двумя парнями.

Они были высокими, коренастыми и грязными, белые, в черных фирменных ботинках «Фрай», черных джинсах, черных хлопковых рубашках, черных кожаных жилетах, черных перчатках без пальцев и черных кожаных повязках на головах. И в расстегнутых черных куртках. Оба были как две капли воды похожи на мертвого парня с фотографий, которые принесли Холланду.

Петерсон нажал на тормоза, заглушил мотор, остановил машину в тридцати ярдах от всей компании, и их залил свет фар его автомобиля. Ситуация выглядела не слишком благоприятной для Холланда, и он явно нервничал. В отличие от двух типов в черном. Они наступали на Холланда, за спиной которого находился большой сугроб. Они его теснили, и вид у него был несчастный и беспомощный.

Ричер сразу понял почему.

Кобура у него на боку была открыта, но он не держал в руке оружия. Холланд смотрел вниз и налево.

Он уронил свой пистолет в снег.

Или его выбили у него из руки.

В любом случае ничего хорошего.

– Кто они такие? – спросил Ричер.

– Нежелательные элементы, – ответил Петерсон.

– Настолько нежелательные, что в охоте на них принимает участие сам шеф полиции?

– Ты видишь ровно то, что вижу я.

– И что ты намерен делать?

– Трудный вопрос. Они, возможно, вооружены.

– Ты тоже.

– Может так получиться, что я поставлю Холланда в идиотское положение.

– Не его вина, он безоружен, – сказал Ричер.

– Он только что вылез из своей машины.

– Ничего подобного. Его машина стоит на месте с включенным двигателем уже десять минут. Посмотри на лужи под выхлопными трубами.

Петерсон промолчал и не сдвинулся с места.

– Кто они такие? – снова спросил Ричер.

– Тебе какое дело?

– Интересно. Ты их боишься.

– Ты так думаешь?

– В противном случае они бы уже сидели в наручниках в твоей машине.

– Это байкеры.

– Что-то я не вижу мотоциклов.

– Сейчас зима, – напомнил ему Петерсон. – Зимой они гоняют на пикапах.

– Это теперь является нарушением закона?

– Они наркоманы.

– И что?

– Парни принимают метамфетамины.

– Амфетамины?

– Метилированные амфетамины. Курят их. Точнее, выпаривают и вдыхают. Из стеклянных трубок, разбитых лампочек или алюминиевых ложек. Нагревают, а потом дышат этой дрянью, которая делает их неуправляемыми и непредсказуемыми.

– Люди, как правило, все неуправляемые и непредсказуемые.

– Но не так, как эти парни.

– Ты их знаешь?

– Не слишком хорошо.

– Они живут в городе?

– В пяти милях к западу. Там их много. Что-то вроде лагеря. Как правило, они держатся особняком, но жителям Болтона они не нравятся.

– Убитый парень был из их компании?

– Видимо, да, – ответил Петерсон.

– Так, может, они ищут своего друга?

– Или собираются за него отомстить.

Петерсон наблюдал и ждал. В тридцати футах впереди язык тел не изменился, они исполняли все тот же танец. Шеф Холланд отчаянно дрожал – от холода или страха. Или того и другого.



– Думаю, тебе следует что-нибудь сделать, – сказал Ричер.

Петерсон ничего не стал делать.

– Интересная стратегия, – заметил Джек. – Ты намерен подождать, пока они все помрут от холода?

Петерсон молчал.

– Только вот проблема в том, что Холланд замерзнет первым, – проговорил Ричер.

Петерсон продолжал молчать.

– Если хочешь, я пойду с тобой.

– Ты гражданское лицо.

– Только формально.

– Ты слишком легко одет, а там мороз.

– Как ты думаешь, сколько это займет времени?

– Ты не вооружен.

– Против этих ребят мне оружие не требуется.

– Метамфетамины – серьезная штука. Они отключают сдерживающие центры.

– В таком случае мы с ними равны.

– Те, кто его принимают, не чувствуют боли.

– А им и не придется почувствовать боль. Главное для них будет, потеряют они сознание или нет.

Петерсон снова ничего не сказал.

– Ты иди налево, я пойду направо. Я их разверну, а ты зайдешь им за спины.

В тридцати футах впереди Холланд что-то сказал, и два парня снова стали наступать; он сделал шаг назад, споткнулся и плюхнулся прямо в сугроб, оказавшись чуть больше чем на расстоянии вытянутой руки от того места, куда упал его пистолет.

Была половина одиннадцатого вечера.

– Ждать больше нельзя, – сказал Ричер.

Петерсон кивнул и открыл дверцу машины.

– Не трогай их, – велел он Джеку. – Ничего не затевай. В настоящий момент они не нарушают закон.

– При том, что Холланд сидит в снегу на заднице?

– Они невиновны, пока не доказано обратное. Таков закон. И я не шучу. Не трогай их.

Петерсон выбрался из машины, постоял секунду около открытой двери, потом обошел ее и двинулся вперед. Ричер шел рядом, шаг в шаг.

Парни их увидели.

Ричер направился направо, Петерсон – налево. В машине было тепло, градусов двадцать, на улице на пятнадцать меньше, может быть, даже еще холоднее. Джек застегнул на молнию куртку до самого верха, засунул руки в карманы и сгорбился, чтобы воротник прикрыл шею. Однако через два шага начал отчаянно дрожать. Было не просто холодно, а точно в настоящей морозильной камере. Парни отошли от Холланда, дав ему пространство для маневра, и он с трудом поднялся на ноги. Петерсон направился к нему, причем его пистолет продолжал оставаться в кобуре. Ричер прошел по тонкому белому насту и остановился в шести футах позади парней. Холланд сделал шаг вперед, выкопал из снега свой пистолет, очистил его, проверил дуло, не попала ли туда вода, и убрал обратно в кобуру.

После это никто не шевелился.

На тротуаре лежала тонкая снежная пыль с блестящими кристалликами льда, которые сверкали в лунном свете. Петерсон и Холланд не сводили глаз с парней, и хотя Ричер стоял у них за спинами, он не сомневался, что те тоже смотрят на них. Он отчаянно дрожал, у него начали стучать зубы, и дыхание белым облачком окутывало лицо.

Все молчали.

Парень справа от Ричера, примерно шести футов роста и фута четыре в ширину, казался таким огромным частично из-за гусиного пуха черной зимней парки, но по большей части все-таки состоял из мышц и костей. Тип слева был помельче во всех смыслах и более активным. Он не мог устоять на месте, то и дело переступал с ноги на ногу, поворачивался, расправлял плечи. Он явно замерз, но не дрожал, и Ричер подумал, что его беспокойство вызвано химическими процессами в организме, а не холодом.

Никто так и не произнес ни слова.

– Парни, либо вы прямо сейчас отсюда отвалите, – заявил Ричер, – либо одному из вас придется одолжить мне свою куртку.

Оба медленно к нему повернулись. Лицо крупного парня, что стоял справа, напоминало кусок белого льда, прятавшегося в густой бороде, покрытой инеем, совсем, как у полярника или альпиниста. У того, который был слева, бегали глаза, лицо украшала двухдневная щетина. Он открывал и закрывал рот, точно золотая рыбка, вынырнувшая на поверхность, тонкие подвижные губы и плохие зубы дополняли картину.

– Ты кто такой? – спросил крупный парень справа.

– Идите по домам, ребяташки, – ответил ему Ричер. – Сейчас слишком холодно, чтобы баловаться на улице.

Парни молчали.

Петерсон и Холланд, стоявшие за ними, не шевелились. Их пистолеты мирно лежали в закрытых кобурах. Ричер всегда планировал свои последующие шаги, считая, что лучше быть готовым к неприятностям. Но здесь он не ждал никаких проблем. Конечно, было бы лучше, если бы крупный парень стоял слева, потому что тогда Джек смог бы хорошенько замахнуться и уложить его сильным ударом правой руки. Если Ричеру приходилось иметь дело с двумя противниками, он всегда первым разбирался с тем, кто крупнее, но, с другой стороны, был готов проявить гибкость и сейчас обдумывал, не отдать ли предпочтение дерганому типу, который не мог устоять на месте. Его напарник наверняка двигался медленнее, да и злобы в нем меньше из-за отсутствия в организме тех самых химических процессов.

– Вы валите отсюда или отдаете мне куртку, – сказал Ричер.

Ни тот, ни другой ничего не ответили, зато у них за спиной ожил Холланд, который сделал вперед один быстрый шаг и заявил:

– Убирайтесь из моего города.

И толкнул парня поменьше в спину.

Его качнуло в сторону Ричера, но он устоял на ногах, быстро развернулся и замахнулся на Холланда кулаком, выбросив его из-за спины совсем как питчер<sup>2</sup>. Ричер поймал его запястье и держал одну короткую долю секунды, потом снова выпустил, но парень потерял равновесие, споткнулся и в результате лишь бессмысленно поводил кулаком перед носом Холланда.

Однако уже в следующее мгновение он снова повернулся и попытался атаковать Ричера, по представлениям которого это уже ни в коей мере нельзя было отнести к понятию «невиновен-пока-вина-не-доказана». Поэтому он сделал шаг влево, и кулак противника промчался примерно в дюйме от его подбородка. Но парень замахнулся с такой силой, что по инерции продолжал двигаться вперед, Ричер сделал ему подсечку, и он рухнул лицом вниз на лед. Тут в игру решил вмешаться его напарник. Он сдвинулся с места – мощные бедра, короткие резкие шажки, кулаки, точно куски окорока, из носа вырывается пар, как у разозленного быка из детской книжки.

Легкая добыча.

---

<sup>2</sup> Игрок в бейсболе, бросающий мяч с горки, подающий.

Ричер двинулся ему навстречу и врезал локтем горизонтально в самый центр белого пространства между бородой и лбом; получилось, будто тот на полном ходу налетел на строительные леса. И все, игра была закончена, если не считать того, что парень поменьше уже встал на колени и пытался подняться, расставив руки и ноги, точно спринтер на старте. Поэтому Ричер с силой лягнул его в голову. Глаза у него закатились, он повалился на бок и остался лежать, подобрав под себя колени.

Ричер снова убрал руки в карманы.

– Боже праведный! – выдохнул Петерсон.

Байкеры лежали рядышком, черными кучами на залитом лунным светом льду, окутанные облаками пара, который поднимался от их тел. Петерсон больше ничего не произнес. Холланд вернулся к своей машине без опознавательных знаков, поговорил по радио и вернулся через минуту.

– Я только что вызвал две машины «Скорой помощи», – сообщил он, глядя прямо на Ричера.

Тот ничего ему не ответил.

– Может, объяснишь, почему мне пришлось вызвать две «Скорых»? – спросил он тогда.

– Потому что я поскользнулся на льду, – ответил Ричер.

– Что?

– На льду поскользнулся.

– Ты это так собираешься объяснить? Ты поскользнулся и вроде как на них налетел?

– Нет, я поскользнулся, когда собрался ударить крупного парня, поэтому получилось не так сильно. Если бы я не поскользнулся, вам бы пришлось вызвать только одну «Скорую» и еще фургон патологоанатома.

Холланд отвернулся.

– Подожди в машине, – сказал Петерсон.

Адвокат лег спать без четверти одиннадцать. Дети отправились в свои постели на два часа раньше, жена все еще была на кухне. Он положил ботинки на стойку, убрал галстук в ящик и повесил костюм на вешалку в шкаф. Затем бросил рубашку, носки и нижнее белье в корзину для грязного белья, надел пижаму, сходил в туалет, почистил зубы, забрался под одеяло и стал смотреть в потолок. Мысленно он все еще слышал смех, который прозвучал в телефонной трубке перед тем, как его завертело на скользкой дороге. Рычание, потом пронзительный голос, наполненный восторгом, и предвкушением, и ликованием. *Уберите свидетеля*, сказал адвокат по телефону, и мужчина, которому он позвонил, засмеялся от счастья.

Ричер вернулся в машину Петерсона и закрыл дверь. Лицо у него онемело от холода. Он повернул в верхнее положение щель печки, включил ее на максимум и стал ждать. Через пять минут приехали машины «Скорой помощи» и залили белый снег красно-синим сиянием огней. Они забрали с собой парней, которые так и не пришли в себя. Ричер решил, что они получили сотрясение мозга и, скорее всего, мелкие травмы челюстей. Ничего серьезного. Три дня в постели и неделя, когда им придется соблюдать осторожность во всем, что они делают, – и они будут как новенькие. И, естественно, обезболивающие.

Ричер ждал в машине. В тридцати футах впереди в ясном морозном воздухе он видел Холланда и Петерсона, которые что-то обсуждали. Они стояли совсем близко друг к другу, вполоборота к нему и говорили очень тихо. Судя по тому, что они ни разу не обернулись, Ричер решил, что речь шла о нем.

Шеф Холланд спросил:

– Он может быть тем самым человеком?

– Если это так, – ответил Петерсон, – тогда он только что отправил своих дружков в больницу. Что выглядит довольно странно.

– Может быть, это ловушка и он все ловко разыграл. Или один из них собирался сказать что-то не то, и ему пришлось его заткнуть.

– Он защищал вас, шеф.

– Сначала.

– А потом это была самооборона.

– Насколько ты уверен, что он не тот самый тип?

– На сто процентов. Такое просто невозможно. То, что он здесь оказался, случайность – одна на миллион.

– А он не мог устроить аварию автобуса на дороге?

– Мог, если бы пробежал по проходу и напал на водителя. Но никто не говорил, что он это сделал. Ни водитель, ни пассажиры.

– Ладно, – сказал Холланд. – Может, тот, кто нам нужен, это водитель? Возможно, он устроил аварию сознательно?

– Очень рискованно.

– Не обязательно. Например, он отлично знает дорогу, потому что много раз по ней ездил, зимой и летом. Ему известно, где она покрывается льдом. И он специально крутанул руль, чтобы автобус заскользил и вылетел в кювет.

– Прямо перед ним встала машина.

– Это он так говорит.

– Он мог пострадать, а кто-нибудь из пассажиров погибнуть. В таком случае он оказался бы в больнице или тюрьме за убийство и не разгуливал бы на свободе.

– Или нет. Современные автобусы оснащены целой кучей электронных устройств. Регуляторы тяги, антиблокировочные системы и прочие штуки. Ему и требовалось только повертеться немного на дороге, а потом съехать с обочины. Ничего сложного. И мы приняли его с распростертыми объятиями, точно добрые самаритяне.

– Я могу поговорить с Ричером дома; он был в автобусе и все видел, так мы получим более ясную картину, – предложил Петерсон.

– Он психопат, и я хочу, чтобы он убрался из города, – заявил Холланд.

– Дороги перекрыты.

– Тогда его нужно понадежнее запереть.

– На самом деле, шеф? – спросил Петерсон. – Скажите мне правду, он ведь производит впечатление умного парня. Подумайте хорошенько. Ричер спас вас от разбитого носа, а меня – от необходимости пристрелить двоих людей. Сегодня нам обоим он оказал огромную услугу.

– По чистой случайности.

– Или сознательно.

– Ты думаешь, он понимал, что творил? В тот момент, когда их отделявал?

– Да, думаю, понимал. Мне представляется, Ричер принадлежит к числу тех, кто видит ситуацию на пять секунд вперед раньше всего остального мира.

– Ты серьезно?

– Да, сэр. Я провел с ним некоторое время.

– Хорошо, – сказал Холланд, пожав плечами. – Поговори с ним, если тебе так хочется.

– Мы можем его использовать для наших дел? Он бывший военный и, возможно, кое-что знает.

– О чем?

– О том, что происходит на западе.

– Он тебе нравится?

– Не имеет значения, нравится он нам или нет. Мы можем его использовать. В данных обстоятельствах не сделать это будет неправильно.

– Это признание поражения.

– Нет, сэр, здравый смысл. Лучше попросить помощи до того, как тебе надерут задницу.

– Сколько нам придется ему рассказать?

– Большую часть, – ответил Петерсон. – Может быть, всё. Полагаю, он и сам сообразит.

– Ты бы именно так поступил, будь ты на моем месте?

– Да, сэр.

Холланд задумался, потом кивнул.

– Хорошо, – повторил он. – Для меня это серьезный довод. Поговори с ним.

Было без пяти минут одиннадцать вечера.

Осталось пятьдесят три часа.

## Глава 07

Петерсон отправился домой на полицейской машине, что показалось Ричеру необычным. По собственному опыту он знал, что городские копы обычно возвращаются домой на собственных, а полицейские автомобили оставляют на стоянке, где в них садится следующая смена, пока мотор и сиденья еще не успели остыть. Петерсон сказал ему, что в распоряжении болтонского управления полно машин, и у каждого имеется своя. Кроме того, все, кто служат в полицейском управлении, должны жить от него в десяти минутах езды.

Петерсон жил на расстоянии двух минут, примерно в миле к востоку, за городом, в построенном на месте бывшей фермы доме, большом, деревянном, по форме напоминающем круглый фруктовый кекс, выкрашенный в красный цвет с белой отделкой. В нескольких окнах горел теплый желтый свет. Неподалеку стоял такой же сарай, и обе крыши украшали высокие шапки снега. Все вокруг было белым, замерзшим и безмолвным. Квадратную, примерно размером в акр, площадку перед домом окружала изгородь из старых потрепанных столбиков с натянутой между ними колючей проволокой. Над снегом торчал примерно фут.

Подъездную дорожку расчистили в форме буквы Y; одна ее сторона вела к сараю, другая – к входу в дом. Петерсон поставил машину в сарае, большом открытом строении с тремя стойлами. Одно из них занимал «Форд»-пикап, приспособленный для уборки снега, в другом были сложены дрова. Ричер выбрался из машины, следом за ним – Петерсон; они пошли по расчищенной дорожке, свернули за угол и направились к двери в дом.

Она была сделана из прочного куска дерева и выкрашена такой же красной краской, как и стены, и открылась в тот момент, когда Петерсон и Ричер подошли к ней. На пороге стояла женщина, окутанная теплым воздухом и залитая мягким светом, льющим у нее из-за спины. Примерно ровесница Петерсона, выше среднего роста, стройная, со светлыми волосами, убранными в конский хвост, в черных брюках и шерстяном вязаном свитере со сложным рисунком.

Видимо, жена Петерсона, решил Ричер.

Все трое замерли на пороге в безмолвной пантомиме вежливости. Петерсону не терпелось поскорее убраться с холода, его жена старалась не выстудить дом, а Ричеру не хотелось врыватьсь внутрь без приглашения. Секунду поколебавшись, женщина открыла дверь пошире, Петерсон подтолкнул Ричера вперед, и тот вошел в прихожую с гладко отполированным дощатым полом, низким потолком и оклеенными обоями стенами. Слева находилась гостиная, справа – столовая. Прямо впереди, в задней части дома, располагалась кухня. Где-то на полную мощь работал обогреватель, Ричер чувствовал запах разогретого металла с легкой примесью дыма.

Петерсон представил их друг другу, при этом он говорил очень тихо, и Ричер сделал вывод, что где-то наверху спят дети. Жену Петерсона звали Ким, и оказалось, что ей все известно про несчастный случай с автобусом и необходимость разместить пострадавших в аварии пассажиров. Она извиняющимся голосом сказала, что приготовила Ричеру постель в рабочем кабинете, словно имела в виду, что настоящая спальня была бы намного лучше.

– Я мог бы лечь и на полу, мэм, – ответил Ричер. – И прошу меня простить за доставленные неудобства.

– Никаких проблем, – заверила его она.

– Я рассчитываю завтра утром уехать из города.

– Не думаю, что у вас получится. Ночью ожидается сильный снегопад.

– Ну, тогда днем.

– Боюсь, автострада будет закрыта. Ведь так, Эндрю?

– Скорее всего, – подтвердил Петерсон.

- Вы можете оставаться у нас, сколько потребуется, – добавила его жена.
- Это очень любезно с вашей стороны, мэм, – сказал Ричер. – Спасибо.
- Вы оставили вещи в машине?
- У него нет вещей, – пояснил Петерсон. – Он утверждает, что они ему не нужны.

Ким никак не отреагировала на его слова, но на ее лице появилось озадаченное выражение, как будто она столкнулась с проблемой переработки полученной информации. Затем она посмотрела на куртку, рубашку и штаны Ричера.

– Утром я схожу в магазин, – доложил Джек. – Я так всегда делаю. Покупаю новые вещи каждые несколько дней.

- Вместо того чтобы стирать?
- Да.
- Почему?
- Потому что это логично.
- Вам потребуется теплая куртка.
- Судя по всему.

– Не нужно покупать. Слишком дорого, учитывая, что она вам понадобится всего на несколько дней. У нас есть лишняя. Мой отец примерно одного с вами размера, и он держит здесь куртку на то время, что приезжает к нам в гости. А еще шапку и перчатки.

Ким отвернулась, открыла дверь кладовки, потянулась внутрь и сняла с вешалки плечики с огромной паркой коричневого цвета, простеганной по всей длине, старой и поношенной, с более темными пятнами в тех местах, где с нее сняли значки и заплаты. На рукавах остались следы от нашивок.

– Коп в отставке? – спросил Ричер.

– Дорожный патруль, – ответила Ким Петерсон. – Им разрешают оставить одежду, если они снимут с нее все знаки отличия.

На куртке имелся отделанный мехом капюшон; в одном кармане Ричер обнаружил меховую шапку, в другом – перчатки.

– Примерьте, – сказала Ким.

Выяснилось, что ее отец был вовсе не одного размера с Ричером, а крупнее, и куртка оказалась на целый размер велика Джеку. Впрочем, слишком большая одежда всегда лучше слишком маленькой. Ричер застегнул ее, посмотрел на те места, где раньше были нашивки, и улыбнулся, неожиданно почувствовав себя готовым к боевым действиям. Ему всегда нравились сержанты, они отлично делали свое дело.

Куртка пахла шариками от моли, а шапка из коричневого нейлона и кроличьего меха – волосами другого мужчины.

– Спасибо, вы очень добры, – поблагодарил Ричер и снял куртку, которую Ким у него забрала и повесила на крючок, вбитый в стену в прихожей, рядом с полицейской паркой Петерсона.

После этого они дружно отправились на кухню, которая шла справа налево почти по всей ширине дома. В ней не было ничего особенного – обычная кухня с выдавшим виды столом и шестью стульями; чуть дальше – что-то вроде маленькой гостиной со старым диваном, двумя креслами и телевизором. В дальнем конце комнаты Ричер разглядел дровяную печь, ржавую, точно локомотив, и закрытую дверь рядом с ней.

– Это и есть кабинет, вы можете пройти прямо туда, – сказала Ким.

Ричер понял – ему объяснили, что пора спать, – поэтому повернулся, чтобы еще раз поблагодарить хозяйку, но обнаружил Петерсона, который шел за ним.

– Он хочет с вами поговорить, – пояснила Ким. – Я это знаю, потому что он не сказал мне ни одного слова.

Человек, которому приказали убить свидетеля и адвоката, принялся чистить пистолет, выданный ему для этого задания, – «Глок 17», не старый и не новый, в хорошем состоянии и неплохо проявивший себя в деле. Он разобрал его, протер, смазал и снова собрал. Бока рукоятки были выпуклыми, и в микроскопических щелях собралась грязь. Он убрал ее при помощи ушной палочки, смоченной в растворе. Имя изготовителя стояло в нижней части рукоятки – невероятно сложное и довольно-таки дилетантское изображение буквы G, внутри которой поместилось все слово. Ее вполне можно было принять за обычную выпуклость и легко не заметить. На первый взгляд казалось, что пистолет называется «Лок». Все буквы были сильно испачканы. Мужчина снова намочил палочку в растворе, и через минуту они стали чистыми.

Кабинет Петерсона оказался маленьким темным квадратным пространством, принадлежащим мужчине. Он находился в задней части дома и имел две внешние стены и два окна, дверь, ведущую в гостиную, и, судя по всему, маленькую ванную комнату. Шторы из толстого клетчатого материала были раздвинуты. Остальное пространство стен занимали шкафы, купленные на распродажах, и старый дубовый стол со стоящим на нем маленьким холодильником. На нем пристроился древний будильник с двумя металлическими колокольчиками, который невероятно громко тикал. Низкое кожаное кресло, по виду скандинавское, и двухместный диван, превращенный в узкую постель, дополняли обстановку.

Ричер сел на нее, Петерсон достал из холодильника две бутылки пива, снял крышки, бросил в мусорную корзину и, протянув одну Ричеру, уселся в кресло.

– У нас тут сложилась довольно непростая ситуация, – заговорил он.

– Я понял, – ответил Джек.

– Сколько тебе известно?

– Мне известно, что вы ходите вокруг компании байкеров, которые балуются метамфетаминами. Мне показалось, что вы их боитесь.

– Мы их не боимся.

– Тогда почему вы с ними так нежничаете?

– Об этом мы тоже поговорим. Что еще тебе известно?

– Что у вас довольно большой полицейский участок.

– Хорошо.

– А это означает, что у вас серьезное полицейское управление.

– Шестьдесят человек.

– И вы все были заняты весь день и весь вечер, причем настолько, что шеф полиции и его заместитель после работы, точнее, в десять вечера, приняли сообщение какого-то жителя города и тут же на него отреагировали. А это означает, что остальные ваши парни блокируют дороги. Получается, что Болтон практически полностью отрезан от остального мира.

– Потому что?

– Потому что вы беспокоитесь по поводу того, кто может к вам заявиться.

Петерсон сделал большой глоток из своей бутылки и спросил:

– Автобусная авария была настоящей?

– Я не тот, кого вы ждете, – ответил Ричер.

– Мы это знаем. Ты не управлял автобусом. Но, может быть, наш парень – водитель автобуса?

Ричер покачал головой:

– Вне всякого сомнения, это слишком сложно. Многое могло пойти не так, тысяча вариантов.

– Он действительно пытался выровнять автобус, когда тот заскользил?

– В каком смысле?



– В том смысле, что не он ли сам это устроил.

– Ну, тогда он мог бы просто выключить двигатель и сделать вид, что тот сломался. Рядом с развязкой.

– Слишком очевидно.

– Я спал. Но то, что видел после того, как проснулся, показалось мне настоящим. Не думаю, что он ваш человек.

– Но такое возможно?

– В мире все возможно. Однако если бы мне потребовалось проникнуть в ваш город, я бы сделал это под видом посетителя тюрьмы. Шеф Холланд рассказал мне, что у вас их бывает великое множество. Спальные места заняты шесть дней в неделю.

– Мы довольно неплохо знаем всех. Здесь у нас не так много заключенных с маленькими сроками. Лица редко меняются. И мы за ними следим. Если попадается кто-то незнакомый, мы связываемся с тюрьмой и спрашиваем, есть ли такой человек в списках. Да и вообще, по большей части это женщины и дети. Мы же ждем мужчину.

Ричер пожал плечами и сделал глоток из бутылки; оказалось, что это «Миллер». Стоявший неподалеку от него холодильник вдруг принялся гудеть – видимо, когда Петерсон открыл дверцу, внутрь попал теплый воздух, и сейчас мотор вступил с ним в сражение.

– Тюрьму строили два года, – начал рассказывать Петерсон. – Рабочих понаехало огромное количество, и для них разбили лагерь в пяти милях к западу от города. На общественной земле. Раньше там находилась военная база. Так что поставили еще несколько домиков и трейлеров, и в результате получилось что-то вроде маленькой деревни. Потом рабочие уехали.

– Когда?

– Год назад.

– И что дальше?

– Там поселились байкеры и захватили территорию.

– Сколько?

– Сейчас их больше сотни.

– И?

– Они продают метамфетамины, много. На восток и запад, благодаря автостраде. Это серьезный бизнес.

– Так разгоните их.

– Мы пытаемся, но это непросто. У нас нет уважительной причины, чтобы устроить там обыск. Что при обычных обстоятельствах не является проблемой. Лаборатория по производству «мета» обычно находится в трейлере и существует примерно день или два. Нам остается только ехать вслед за пожарниками. Там же используются разные взрывчатые вещества. Однако эти парни очень осторожны. До сих пор не произошло ни одного несчастного случая.

– Но?

– Нам повезло. Из Чикаго на запад на переговоры о большой партии приехал крупный дилер; он встретился с их главным здесь, в Болтоне. Нейтральная территория, все цивилизованно. Он купил образец из пикапа, стоявшего на парковке перед рестораном, в котором мы с тобой ужинали.

– Что дальше?

– У нас есть свидетель, видевший, как произошла сделка. Тип из Чикаго сумел уйти, но мы захватили наркоту и деньги и арестовали байкера. Сейчас он в тюрьме штата, ждет суда.

– Вы захватили их главаря? Разве это не уважительная причина, чтобы устроить обыск?

– Его грузовик зарегистрирован в Кентукки, права получены в Алабаме. Он утверждает, что приехал сюда и тут не живет. У нас ничего на него нет, чтобы связать с плохими

парнями. Мы же не можем получить постановление на обыск на основании того, что он одет, как человек, которого мы видели. Судья на такое никогда не согласится. Им нужны более веские причины.

– И каков же план?

– Мы собираемся предложить ему сделку за то, что он признает свою вину и расскажет все, что ему известно, и мы накроем лабораторию.

– Он согласился?

– Пока нет. Он выжидает. Хочет посмотреть, не забудет ли свидетель то, что видел. Или, может, и вовсе умрет.

– И кто свидетель?

– Славная пожилая дама, которая живет в нашем городе. Ей больше семидесяти. Была учительницей и библиотекарем. Ей можно полностью доверять.

– А она может забыть то, что видела, или умереть?

– Конечно. Именно так действуют эти люди. Они либо запугивают свидетелей, либо убивают.

– И поэтому вы беспокоитесь по поводу чужаков, которые могут появиться в городе. Вы думаете, что они явятся за ней.

Петерсон молча кивнул.

Ричер изрядно отхлебнул из своей бутылки и спросил:

– С чего вы взяли, что это будет кто-то приезжий? Разве проблему не могут решить сами байкеры?

– Мы тщательно проверяем каждого байкера, появляющегося в городе, – покачив головой, ответил Петерсон. – Ты же сам сегодня видел. За ними внимательно следят все наши люди. Так что это не они. Да и не могут они так рисковать; они же делают все, что в их силах, чтобы не дать нам их прищучить.

– Ладно.

– Сюда едет кто-то другой, – добавил Петерсон. – Иначе просто не может быть. Кто-то, кого мы не знаем.

## Глава 08

Ричер сделал третий большой глоток из бутылки и сказал:

– Это не водитель автобуса.

– Насколько ты уверен? – спросил Петерсон.

– Сколько денег получают эти ребяташки за свой «мет»?

– Насколько нам известно, двести баксов за грамм, и мы полагаем, что они перевозят его в пикапах, а туда помещается очень много граммов.

– Значит, они могут позволить себе нанять специалиста. Профессиональный убийца, который днем работает водителем автобуса, – это очень маловероятная комбинация.

– Ладно, согласимся, что водитель ни при чем и мистер Джей Нокс чист как слеза.

– Ты можешь поручиться за всех посетителей тюрьмы?

– Мы за ними следим. Они снимают номера в мотелях, садятся на рейсовые автобусы, которые ходят до тюрьмы, возвращаются и на следующий день уезжают. При малейшем изменении стандартной схемы мы оказываемся тут как тут.

– Где находится свидетельница?

– У себя дома. Ее зовут Джанет Солтер. Очень милая старушка, настоящая бабулька из детской книжки. К нашему счастью, ее дом находится на улице с тупиком, и одна из наших машин блокирует въезд днем и ночью. Ты ее видел.

– Мало.

– Мы это понимаем. Вторая машина стоит перед ее домом, третья припаркована через улицу, парни следят за подъездами с тыла. Кроме того, с дамой находятся наши лучшие сотрудницы, минимум четыре одновременно, – две спят, две следят за ситуацией.

– Когда суд?

– Если повезет, через месяц.

– И она отказывается уехать? Вы могли бы спрятать ее в отеле. Например, на Карибах. Я бы предложил ей именно такое решение.

– Она не желает уезжать. Она невероятно упряма.

– А она понимает, какая опасность ей угрожает?

– Мы ей объяснили, но она хочет сделать все правильно. Говорит, это дело принципа.

– Молодец!

Петерсон кивнул.

– Мы только выиграем, потому что сможем прижать всю компанию. Но одновременно это создает дополнительные проблемы, поскольку отнимает огромные ресурсы.

– Вот почему вы ведете себя так сдержанно и не вступаете в конфронтацию с байкерами. В данный момент вам просто не хватит сил вести с ними полномасштабную войну.

– И потому, что мы не можем настраивать против себя присяжных. Нельзя давать защите шанс заявить, что это дело является частью кампании против байкеров. Кроме того, они совсем не дураки и ведут себя тихо. Строго говоря, как отдельные личности они пока не сделали ничего плохого. По крайней мере публично.

– На самом деле как раз наоборот. Я видел фотографии.

– Именно, – не стал спорить Петерсон. – Складывается впечатление, что какой-то добропорядочный горожанин забил до смерти типа из их компании.

Часы на холодильнике продолжали тикать и показывали без пяти двенадцать ночи. Осталось пятьдесят два часа. Луна за окном забралась высоко на небо, и снег, лежавший на земле, залило яркое сияние. Неподвижный воздух был таким ледяным, что Ричер чувствовал, как он пытается пробраться внутрь сквозь стены дома. Между окнами и тем местом,

где тепло от железной печки набрасывалось на холод, прогоняя его назад, была ничейная полоса примерно в фут шириной.

– Холланд в состоянии справиться с вашей проблемой? – поинтересовался Ричер.

– А почему ты спрашиваешь?

– Первое впечатление. Мне он показался немного не на месте.

– Холланд хороший человек.

– Это не ответ.

– Ты обсуждал начальство, когда служил в армии?

– Постоянно. С теми, кто одного со мной звания.

– А мы одного звания?

– Примерно.

– И каким же было твое начальство?

– Одни были хорошими парнями, другие – настоящими задницами.

– Холланд нормальный мужик, – сказал Петерсон. – Но он устал от жизни. Его жена умерла. Потом дочь выросла и ушла из дома. Он остался один, и у него что-то вроде депрессии.

– Я видел в его кабинете фотографию.

– Счастливые дни. Они были хорошей семьей.

– Значит, он в состоянии справиться с этим делом?

– Да, и ему хватает ума попросить помощи, когда он в ней нуждается.

– И кого он попросил?

– Тебя.

Ричер допил пиво. Он согрелся, ему было уютно и тепло, и он чувствовал, что устал.

– И что я могу для него сделать?

– Лагерь для строителей устроили на старой военной базе, – сказал Петерсон.

– Ты мне говорил.

– Мы хотим понять, что точно там было.

– Вы не знаете?

Петерсон покачал головой.

– Ее построили давным-давно, и там стоит одно каменное сооружение, размером и видом похожее на дом.

– И все?

– Еще есть длинная прямая дорога, которая ведет к строению, стоящему в полном одиночестве в прерии.

– Размером с дом?

– Меньше моего.

– Какой он формы?

– Квадратный. Прямоугольный. Как дом.

– С крышей?

– Естественно.

– Может быть, это пусковая ракетная установка. Таких в обеих Дакотах очень много.

– Нет, это не оно.

– В таком случае может быть все, что угодно. Например, военные начали что-то строить, а потом бросили.

– Мы так не думаем. Старики кое-что помнят и рассказывают. Они говорят, что там несколько месяцев работала целая куча инженеров. С серьезной охраной. Кроме того, туда постоянно кто-то приезжал или уезжал. Тебе не кажется, что это немного слишком для штуки размером с обычный дом?

– Я слышал и более странные вещи.

– Нам необходимо знать точно. Существует вероятность, что придется туда отправиться и арестовать человека сто. Мы хотим понимать, с чем можем там столкнуться.

– Позвоните кому-нибудь. Например, в военное министерство.

– Мы звонили. Сначала мы, потом совет округа, за ними администрация штата.

– И что?

– Никто не получил никакого ответа.

– Сколько лет вашим самым старым старикам?

– Это важно?

– Я хочу понять, когда шло строительство. Они видели тех инженеров собственными глазами? Или слышали про них от родителей или дедушек?

– Базе лет пятьдесят.

– Сколько прошло времени с тех пор, как оттуда ушли солдаты?

– Нисколько. Их там никогда не было.

– Значит, это заброшенная база времен холодной войны, – пожал плечами, сказал Ричер. – Вполне возможно, что строительство вообще не довели до конца. Знаешь, как это бывает: в какой-то момент идея кажется великолепной, но проходит немного времени, и она уже выглядит идиотской. Тогда подобные вещи происходили сплошь и рядом, поскольку стратегия была подвижной. Или просто никто не имел ни малейшего представления о том, что они делают. Поверь мне, там нет ничего особенного. Каменный дом надежнее защитит от выстрелов, чем деревянный или трейлер, но, насколько я понял, вы не собираетесь вызывать там войну.

– Нам нужно знать наверняка.

– Я не могу вам помочь. Я здесь никогда не служил. И не слышал разговоров про эти места.

– Ты бы мог позвонить каким-нибудь старым знакомым. У тебя же наверняка кто-то остался.

– Я уже очень давно уволился из армии.

– Ты мог бы поехать на запад и взглянуть, что там такое.

– Каменный дом. Армейский камень ничем не отличается от обычного.

– Тогда что там делало такое количество инженеров?

– Что тебя беспокоит?

– Мы подумали, а вдруг там имеется подземный бункер и дом – это всего лишь вход. Возможно, они разместили свою лабораторию под землей. Тогда понятно, почему нет пожаров и взрывов в трейлерах. Они вполне могли превратить старую базу в настоящую крепость, с запасами продовольствия, воды и оружия. Наша операция может превратиться в осаду. Нам это надо?

Петерсон встал, подошел к столу и взял из холодильника еще две бутылки с пивом, из чего Ричер сделал вывод, что они прошли только половину пути или даже треть, если у него там упаковка из шести бутылок.

– И это не все, – сказал Петерсон.

– Кто бы сомневался? – заметил Ричер.

– Мы «закрыли» их главаря, но руководство и контроль не прекратились. Иными словами, они продолжают функционировать.

– Значит, у него есть заместитель.

– Банды таким правилам не подчиняются.

– Тогда он каким-то образом поддерживает связь со своими соратниками. По мобильному телефону или тайно переправляет им письма.

– Нет.

– Ты уверен?

– Абсолютно.

– В таком случае, через адвоката. Разговор один на один каждый день, они делают вид, что обсуждают детали обвинения и все такое, а в действительности он выдает устные инструкции, которые адвокат отправляет по назначению.

– Мы тоже так подумали. Но адвокат тоже не при делах.

– Откуда ты знаешь?

– Потому что в комнатах для свиданий имеются скрытые аудио– и видеокамеры.

– Для того чтобы следить за беседами наедине между адвокатом и обвиняемым? Разве это законно?

– Возможно. У нас совсем новая тюрьма, а в некоторых федеральных законах, принятых недавно, полно лазеек.

– Но он же не федеральный заключенный.

– Ну хорошо, допустим, наши действия не совсем законны.

– Однако вы все равно это делаете?

– Да, – ответил Петерсон. – И мы не слышали ни единого слова, в котором содержались бы инструкции или даже намек на их бизнес. Никто не передавал записок, и никто ничего не записывал.

– Ты когда-нибудь слышал про Четвертую поправку<sup>3</sup> к Конституции? У вас могут возникнуть серьезные проблемы в суде.

– Мы не планируем использовать то, что услышали. Прокурор ничего не знает. Мы просто хотим быть готовы, если они решат напасть на свидетеля. Это исключительно инициатива полиции.

– С вашей свидетельницей все будет в порядке. Вы обложили ее ватой. Продержаться нужно месяц. Ну, конечно, вам придется немного больше поработать, не более того.

– Мы участвовали в конкурсе, когда выбирали место, где будет построена тюрьма.

– Холланд мне говорил. Как завод по производству «Тойот» или «Хонд».

– Мы были вынуждены пойти на компромиссы.

– Так всегда бывает.

– Персонал тюрьмы получает налоговые льготы, мы построили для них дома и расширили школу.

– И что?

– А в самом конце нам пришлось подписаться на участие в их плане решения кризисных ситуаций.

– И в чем он состоит?

– Весь болтонский полицейский участок занимает места на заранее обозначенном периметре в миле от города.

– Все?

– Все до единого. Те, кто на смене и кто дома, больные и здоровые, те, кто спят и кто бодрствует.

– Ты серьезно?

– Нам пришлось на это согласиться. Ради благополучия нашего города.

– Плохо, – сказал Ричер.

---

<sup>3</sup> Поправка запрещает произвольные обыски и аресты, а также требует, чтобы ордера на арест имели основание и были санкционированы судом. Поправка также говорит о том, что в ордере должно быть четко указано, что именно является объектом поиска; любые другие найденные проводящими обыск предметы, пусть даже и незаконные, не могут быть изъяты и приобщены к делу.

– Совсем плохо, – согласился с ним Петерсон. – Если зазвучит сирена, мы должны все бросить и мчаться на север. Все мы. А это означает, что, если сирена завоет в какой-то день в следующем месяце, нам придется оставить Джанет Солтер полностью без защиты.

## Глава 09

Ричер допил почти всю вторую бутылку.

– Это же безумие, – сказал он.

– Только в реальности, – возразил Петерсон, – но не на бумаге. В качестве поддержки мы получаем дорожный патруль. Кроме того, федералы предложили нам помощь в рамках программы защиты свидетелей. Но, как правило, дорожный патруль зимой находится в милях от нас, а миссис Солтер категорически отказалась от участия федералов. Она заявила, что запереть далеко от дома следует байкеров, а не ее.

– Проблема, – заметил Ричер.

– Еще какая, – согласился Петерсон.

Джек посмотрел в залитое лунным светом окно и сказал:

– Но, насколько я понимаю, сейчас не самая лучшая погода для побега, или я ошибаюсь? И так, наверное, будет несколько месяцев. На пять миль вокруг все засыпано двумя футами нетронутого снега. Если кому-то и удастся выбраться за ограду тюрьмы, какая бы она у них там ни была, он через час умрет от холода. Или его найдет вертолет по следам, которые отлично видны на снегу.

– Теперь никто не убегает на ногах. Они прячутся в грузовиках с продуктами или что-нибудь в таком же духе.

– Тогда зачем выставлять людей на расстоянии мили вокруг города?

– Ну, никто не говорит, что в их кризисном плане есть здравый смысл.

– Так наплюйте на него. Оставьте часть людей в доме, по крайней мере женщин.

– Мы не можем. Они будут считать по головам. Потом устроят проверку. Если мы не выполним в точности условия договора, на следующие десять лет мы получим федеральный надзор. Город подписал соглашение. Мы взяли их деньги.

– На дополнительные машины?

– И дома. Мы все живем в пределах десяти минут езды от участка, у всех есть машины, в них всегда включены приемники, и все должны мгновенно отреагировать на приказ.

– А вы не можете посадить миссис Солтер в машину и взять с собой?

– В соответствии с соглашением мы не имеем права привлекать гражданских лиц, следовательно, не можем взять ее с собой. Да и все равно она откажется. Получилось бы, будто мы ее арестовали. А это невозможно.

– До сих пор кому-нибудь удалось сбежать?

– Нет. Тюрьма новая и современная. У них там полный порядок.

– В таком случае остается надеяться на лучшее.

– Ты не понял. Мы бы и рассчитывали на то, что ничего не произойдет. Если бы речь шла о совпадении или случайности, мы бы так не волновались. Но тут другое. Человек, который хочет убраться из дома Джанет Солтер, обладает реальной возможностью это сделать, причем в любое удобное для него время.

– Ты имеешь в виду побег из тюрьмы? – переспросил Ричер. – Не думаю. Я знаю тюрьмы. Чтобы организовать побег, нужна подготовка, которая требует много времени. Необходимо оценить ситуацию, составить план, найти водителя грузовика, договориться с ним, добыть деньги – в общем, предусмотреть все.

– Я тебе не все рассказал. Дальше хуже.

– Валяй, я слушаю.

– Вторая часть кризисного плана гласит, что в случае бунта в тюрьме весь ее персонал входит внутрь, а мы занимаем посты у ворот и на ограждении.

– Все?



– Точно так же, как в первом пункте. А организовать бунт в тюрьме ничего не стоит. Он вообще может начаться за пару секунд. Поверь мне, заключенные только и ждут возможности устроить какое-нибудь безобразие.

Третьей бутылки пива не было. Больше никаких фактов, осталось только свести несколько концов и кое-что повторить.

– Теперь понял? – сказал Петерсон. – Он может все просчитать до минуты. Кто-то скажет не то не тому заключенному, и через минуту начнется драка, еще через минуту она превратится в настоящее сражение, нам позвонят, и через десять минут мы все окажемся больше чем в пяти милях от дома Джанет Солтер.

– Он же сидит в камере предварительного заключения, – напомнил Петерсону Ричер. – В тюрьме штата, так? А она размещается в отдельном здании. Там никто не устраивает беспорядков. Там ждут суда. И все очень заняты тем, чтобы как можно убедительнее выглядеть невинными овечками.

– Он байкер. У него наверняка есть приятели в главном здании. Или друзья друзей. Именно по таким законам живет тюрьма. Они присматривают за своими. А поддерживать связь друг с другом можно сотней разных способов.

– Плохо, – повторил Ричер.

– Совсем плохо, – подтвердил Петерсон. – Когда зазвучит сирена, мы должны оставить в участке какого-нибудь пожилого отставника, чтобы тот связался с нами в случае террористической атаки. Но в остальном руки у нас связаны.

– Вы предполагаете, что у вас может произойти теракт?

– Только не здесь. Гора Рашмор имеет символическое значение, но это уже проблема Рэпид-сити.

– Вы и полицейский участок расширили? – спросил Ричер. – Как школу?

– Нам пришлось, – кивнув, ответил Петерсон. – Потому что город разросся.

– Как сильно вы увеличили участок?

– В два раза. И начали конкурировать с тюрьмой на предмет персонала. Очень тяжело поддерживать высокий уровень. И это одна из основных проблем Холланда. Вроде как половина народа – его люди из прежних времен, а половина новенькие.

– Я не могу ему помочь, – сказал Ричер. – Я же в вашем городе проездом.

– Ты мог бы позвонить армейским парням, и это уже была бы помощь. Если мы хотим пережить следующий месяц без происшествий, нам понадобится информация.

– Я слишком давно уволился. В армии выросло новое поколение. Они даже не станут меня слушать, просто повесят трубку.

– Почему бы не попытаться?

– Меня не пустят дальше коммутатора.

– Когда я еще только начинал работать, у нас имелся специальный номер ФБР в Пьерре на случай непредвиденных обстоятельств. Система поменялась много лет назад, но я не забыл тот номер.

– И что?

– Уверен, что у тебя тоже есть номер, который ты будешь помнить всегда. И это не коммутатор.

Ричер промолчал.

– Позвони, пожалуйста, – продолжал Петерсон. – Больше я ни о чем не попрошу, обещаю. Все остальное мы сделаем сами, а ты сможешь отправиться дальше.

Ричер продолжал молчать.

– Мы можем предложить тебе письменный стол и стул.

– Где?

- В полицейском участке. Завтра.
- Ты хочешь, чтобы я отправился туда и работал вместе с тобой? В полицейский участок? Значит, ты мне до сих пор не доверяешь?
- Ты находишься у меня дома, где спят мои жена и дети.
- С этим не поспоришь, – кивнув, сказал Ричер.

Однако Ким Петерсон не спала – по крайней мере в тот момент. Через десять минут после того, как Эндрю Петерсон ушел и оставил его одного, Ричера начал раздражать запах четырех пустых пивных бутылок. Поэтому он взял их за горлышко по две в каждую руку и отправился на кухню в надежде найти там мусорное ведро. Но вместо этого он обнаружил Ким Петерсон, которая наводила порядок в холодильнике. Она не стала зажигать свет на кухне, но лампочка внутри холодильника оказалась очень яркой, и Ким окутывало желтое сияние. Она была в старом махровом халате и с распущенными волосами. Ричер показал ей четыре бутылки, молча спрашивая, что с ними делать.

– Под раковиной, – сказала Ким Петерсон.

Ричер наклонился, открыл дверцу шкафчика и аккуратно поставил бутылки в линию рядом с шестью другими, стоявшими там.

- Вам ничего не нужно? – спросила Ким.
- Ничего, все в порядке, спасибо, – ответил Ричер.
- Эндрю попросил вас что-то для него сделать?
- Он хочет, чтобы я позвонил в несколько мест.
- Про армейский лагерь?

Ричер кивнул.

- Вы позвоните?
- Попытаюсь, – сказал Ричер.
- Хорошо. Это место сводит его с ума.
- Я сделаю все, что в моих силах.
- Обещаете?
- Мэм?

– Пообещайте мне, что, если Эндрю вас попросит, вы постараетесь ему помочь. Он слишком много работает. Теперь он практически за все отвечает. Шеф Холланд находится в депрессии и едва знаком с половиной своего участка. Эндрю приходится делать все, а это очень тяжело. И ему, и мне.

Рядом с кабинетом Ричер обнаружил крошечную ванную комнату и долго стоял под горячим душем. Затем он повесил свою одежду на спинку стула, на котором сидел Петерсон, и забрался под одеяло. Пружины диванчика тут же жалобно заскрипели под его весом и уперлись в спину. Ричер повернулся на один бок, потом лег на другой, послушал, как тикают часы, и через минуту уснул.

Было без пяти час ночи.

Остался пятьдесят один час.

## Глава 10

Ричер проснулся без десяти семь в безмолвном, точно священный храм, мире. За окном падал густой снег, медленно, но неуклонно засыпая землю, на которой уже лежало плотное белое одеяло около фута толщиной. Ветра не было, и миллиарды снежинок летели по прямой вниз, иногда слегка отклоняясь в сторону или делая едва заметные зигзаги, подчиняясь лишь своему почти неуловимому весу. Большая часть заканчивала путь на земле, сливаясь с нетронутым покрывалом; другие прилипали к диковинным, похожим на перья, фигурам на линиях электропередачи, которые постепенно становились все длиннее.

В кровати было тепло, а вот в комнате – холодно. Ричер догадался, что дрова в железной печке прогорели за ночь, угли собрали и заслонку закрыли. Он пару мгновений решал, как должен в таких обстоятельствах повести себя гость и следует ли ему встать, открыть заслонку и подбросить в печь дров? Будет ли это помощью? Или наглостью? А вдруг он нарушит тонкий и давно установленный распорядок и его хозяевам придется лишний раз идти в сарай за дровами?

В конце концов он не стал ничего делать, просто натянул повыше одеяло и снова закрыл глаза.

Было без пяти семь утра.

Осталось сорок пять часов.

В тысяче семистах милях к югу было на час больше. Платон завтракал в меньшей из двух столовых, находящихся на открытом воздухе. Та, что побольше, предназначалась для официальных обедов и потому использовалась редко, поскольку такие обеды были исключительно деловыми, но в настоящий момент большинство своих дел он вел с русскими, а они не слишком стремились проводить время на жаре в сотне миль от Мехико. Они предпочитали кондиционеры, и Платон полагал, что это объясняется их привычками. Ему рассказывали, что в некоторых районах России так холодно, что, если плюнуть, слюна тут же замерзнет и камнем упадет на землю.

Лично Платон в это не верил. Он, конечно, признавал, что кое-где в России температура воздуха очень низкая и, вне всякого сомнения, цифры, которые он видел в альманахах и метеосводках, могли заморозить небольшое количество органической жидкости за то время, что она летит изо рта к земле, но был уверен, что для того, чтобы выжить в таких условиях, человек должен носить лыжную маску, сделанную из шелка или какого-то другого, более современного синтетического материала, а плевать в маске технически невозможно. Кроме того, он понимал, что очень низкие температуры идут рука об руку с исключительно низкой влажностью, и это, в свою очередь, не способствует тому, чтобы плевать направо и налево, да и вообще не слишком практично. Так что, по его представлениям, история про плевки хоть и выглядела весьма наглядной, не имела к истине ни малейшего отношения.

Платон невероятно гордился своими аналитическими способностями.

Он размышлял про русских, потому что час назад по телефону получил от одного из них заинтриговавшее его предложение. Обычное дело. Кузен друга мужа его сестры хотел получить крупную партию определенного вещества и спрашивал, сможет ли Платон ему помочь. Естественно, у Платона первым номером в списке претендентов на помощь стоял Платон, поэтому он обдумал предложение и пришел к интересному выводу, который, если внести в план кое-какие улучшения и использовать мастерство, превратит предложение в отличную сделку. Причем исключительно выгодную, но в одностороннем порядке – разумеется, в его пользу; но, в конце концов, он ведь Платон, а не известный ему русский – нет.

Он насчитал три главных фактора.

Во-первых, сделка потребует фундаментальных изменений в первоначальных представлениях русских о том, что касается крупной партии, которая отправится не русскому, а все наоборот – он будет транспортирован к крупной партии.

Во-вторых, Платон должен быть полностью уверен, что синица в руках действительно стоит журавля в небе.

И в-третьих, сделка слегка изменит ситуацию в Южной Дакоте. Следовательно, она должна быть абсолютно безупречной, практически осуществимой, безукоризненной и исключительно привлекательной. Иными словами, быстро реализуемой и товарной. А это означало, что со свидетелем и адвокатом следовало разобраться как можно быстрее.

Платон потянулся к телефону.

В четырнадцать минут восьмого в старом фермерском доме по-прежнему царила тишина. В пятнадцать он начал стремительно оживать. Ричер услышал, как звякнули и тут же завопили будильники, да так громко, что их голоса прорвались сквозь потолки и стены; потом до него донеслись шаги на втором этаже. Ричер решил, что это два мальчика, судя по тому, как громко и резво они топали. Открывались и закрывались двери, журчала вода в туалетах и душе. Через десять минут шум перебрался на кухню. Забулькала и зашипела кофеварка, хлопнула дверца холодильника, кто-то со скрежетом по деревянному полу отодвигал стулья. И снова Ричер попытался понять, как ему следует поступить: должен ли он просто выйти из комнаты и присоединиться к хозяевам за завтраком? Или он испугает детей? Потом он решил, что это будет зависеть от их возраста и характеров. Может быть, подождать, когда его позовут? Или когда дети уедут в школу? А если они вообще не пойдут сегодня на занятия из-за того, что на улице выпало столько снега?

Ричер быстро принял душ и оделся в крошечной ванной комнате, убрал кровать и сел на нее. Через минуту он услышал скрип стула, потом чьи-то маленькие ножки пробежали по коридору, раздался робкий стук в дверь, которая тут же распахнулась, и Ричер увидел мальчишку лет семи, миниатюрную копию Эндрю Петерсона. На лице у него мешалось возмущение тем, что его отправили выполнять поручение, страх – кто знает, что может оказаться за дверью, – и явное любопытство, появившееся, когда он увидел Ричера.

– Мама сказала, чтобы вы шли пить кофе. – Мальчишка секунду рассматривал гостя и так же стремительно исчез.

К тому моменту, когда Ричер пришел на кухню, обоих мальчишек там уже не было, но он слышал, как они мчатся вверх по лестнице. Ему даже показалось, что он видит вихри воздуха у них за спинами, поднявшие пыль, совсем как в мультике. Их родители молча сидели за столом. Они были одеты так же, как вчера, Петерсон – в форме, его жена – свитере и брюках. Они даже не пытались разговаривать, потому что любые звуки заглушил бы топот ног наверху. Ричер налил себе кофе из кофейника и сел за стол в тот момент, когда Петерсон встал и отправился в сарай, чтобы завести пикап и расчистить дорогу к улице. Его жена пошла наверх, проверить, готовы ли дети. Через минуту мальчишки слетели вниз по лестнице и выскочили в дверь. Ричер услышал рев большого дизельного двигателя и увидел желтый отблеск на снегу. Видимо, точно по расписанию, невзирая на снег, прибыл школьный автобус.

Через минуту после этого в доме воцарилась полнейшая тишина. Ким не вернулась на кухню. Завтрака Ричеру не предложили. Какие проблемы? Он привык к голоду. Он сидел в одиночестве, пока Петерсон не засунул голову в дверь коридора и не позвал его. Тогда Ричер взял выданную напрокат куртку и пошел к выходу.

Было без пяти восемь утра.

Осталось сорок четыре часа.

Адвокат сражался с гаражной дверью. На дорожке лежал новый фут снега, и его намело под дверь, которая застряла на полозьях. Он надел калоши и взял лопату. Моторчик на потолке старался изо всех сил, но у него ничего не получалось. Адвокат схватился за ручку с внутренней стороны и дернул ее наверх. Цепи механизма некоторое время сопротивлялись, но в конце концов сдались, дверь поднялась, и внутрь засыпался собравшийся снаружи снег. Адвокат отбросил его лопатой в сторону, завел машину и приготовился встретить новый день.

Он начинался с завтрака. Адвокат взял за привычку завтракать не дома, и в некотором смысле это было обычное для маленького города дело. В кафе можно немного поболтать, выйти в Интернет, завязать новые связи. Все очень полезно, но не стоит больше получаса времени. В самом крайнем случае минут сорок пять. В последнее время адвокат проводил в своей кабинке около часа, иногда полтора.

Он боялся идти на работу.

В его компании официальные формы были желтого цвета, и секретарь каждое утро вручала ему сразу несколько штук. По большей части самых обычных и невинных. Но в некоторых говорилось: *Клиент просит о встрече, дело номер 517713*. Но дела с таким номером не было, как и документов или вообще чего-либо написанного на бумаге. Записка являлась шифром, точнее, приказом отправиться в тюрьму и там выслушать и запомнить новое распоряжение.

Большинство дней проходило тихо, и он не получал подобных записок, но иногда получал. Предсказать, когда это произойдет, не было никакой возможности. Теперь у него выработался своего рода утренний ритуал – он стоял перед столом секретарши, протянув к ней руку и с замиранием сердца ожидая, что жизнь сделает с ним в следующее мгновение.

Когда они ехали в город, Ричер практически не видел ничего, кроме снега, – на земле и в воздухе. Снег был повсюду. Безмолвный мир будто замедлил свое движение и стал совсем маленьким. Машин почти не было, да и те, казалось, старались держаться поближе друг к другу на узких разъезженных участках посередине дороги. Маленькие облачка снега, словно петушиные хвосты, украшали шины автомобилей. Машины собирались в небольшие караваны и ползли вперед, точно медленные поезда, со скоростью двадцать миль в час или даже меньше. В полицейском автомобиле Петерсона Ричеру было тепло, и он чувствовал себя в полной безопасности – тяжелая машина на плоской поверхности, с передними зимними шинами и цепями на задних. Никаких проблем.

Днем засыпанный снегом полицейский участок выглядел длиннее и ниже, чем ночью. Построенное из белого кирпича одноэтажное здание как будто растянулось на белом снежном покрывале. На плоской крыше торчало множество антенн и микроволновых тарелок, закрепленных на стальных надстройках. Оно напомнило Ричеру классические полицейские бараки какого-нибудь штата, и он подумал, что, вполне возможно, его построили, используя стандартные чертежи. На парковке стояло множество полицейских машин, еще теплых, только что приехавших. Очевидно, дневная смена пришла пораньше на инструктаж перед началом восьмичасового рабочего дня. Между машинами сновал маленький трактор на резиновых шинах, который собирал снег в сугроб, уже достигавший восьми футов в высоту. Петерсон казался расслабленным, и Ричер решил, что ему нравится снег, поскольку тот ограничивает доступ куда бы то ни было, включая дом Джанет Солтер. Убийцам придется подождать, когда погода немного изменится, – ведь незаметно подобраться к нему по снегу, доходящему до бедер, вряд ли получится.

Ричер взял парку, а шапку и перчатки оставил в машине, посчитав, что это слишком личные вещи, и решив купить новые. В вестибюле на табурете за конторкой сидел другой дежурный, видимо, из дневной смены. Того же возраста, в такой же гражданской одежде, но

другой. Петерсон провел Ричера мимо него и по коридору в большую, просторную общую комнату, где было полно мужчин и женщин в форме, стоял шум, многие разговаривали. Они пили кофе, делали заметки, читали сводки, иными словами, готовились к новому дню. По прикидкам Ричера, человек тридцать. Получалось, в управлении Болтона работали около шестидесяти человек, разделенных поровну между дневной и ночной сменами, молодые и старые, аккуратные и растрепанные, и неряшливые. В общем, весьма неоднородная компания.

«Участок увеличился в два раза, – сказал Петерсон. – Очень тяжело поддерживать высокий уровень». И Ричер понял почему. Ему не составило труда отличить новичков от прослуживших здесь некоторое время офицеров и увидеть, что между ними совсем не все гладко. Общий дух, царивший здесь прежде, остался в прошлом, и профессионализм стоял под вопросом. Мы и они. Теперь Ричеру стало ясно, в чем состоит проблема шефа Холланда, которому приходилось иметь дело с двумя участками, объединенными в один. А у него не было на это ни сил, ни энергии. Ему бы следовало уйти в отставку. Или мэру уволить его еще до того, как просохли чернила на сделке, касающейся тюрьмы.

Впрочем, новые или старые, все копы отличались пунктуальностью. К половине девятого комната практически опустела. Вне всякого сомнения, заграждения на дорогах требовали большого количества людей, да и снегопады становились причиной бесконечных аварий. Осталось только два копа, оба в форме; на бейджике одного стояло имя Каплер, другого звали Лоуэлл. Ни у того, ни у другого Ричер не заметил ремня с пистолетом, рацией и наручниками. Обоим было за тридцать, Каплер – темноволосый с остатками летнего загара, Лоуэлл – со светлыми волосами и красным лицом, в общем, типичный местный парень. Оба выглядели сильными, в хорошей форме и энергичными. И жутко недовольными. Каплер расхаживал по комнате по часовой стрелке, Лоуэлл – против. Они наводили порядок, собирали бумаги и относили их дальше по коридору, куда вела простая дверь без табличек.

– Это что значит? – спросил Ричер.

– Обычная работа клерков.

– Несмотря на то, что вам не хватает людей? Сомневаюсь я что-то.

– И что надумал?

– Наказание. Они что-то натворили, и их оставили в участке. Холланд отобрал у них оружие.

– Я не могу это обсуждать.

– Они новенькие или были здесь раньше?

– Лоуэлл тут давно, он местный. Из старой болтонской семьи. Каплер – новый, но не слишком. Приехал два года назад из Флориды.

– Почему? Из-за погоды? Мне казалось, обычно бывает наоборот.

– Ему требовалась работа.

– По какой причине? Что у него там пошло не так?

– А почему что-то должно было пойти не так?

– Потому что, со всем моим уважением, если ты служишь в полиции Флориды, Южная Дакота – это то место, куда ты отправляешься, когда у тебя не остается других вариантов.

– Я не знаю деталей. Его приняли на работу шеф Холланд и мэр.

– И что же такого сделал Лоуэлл, чтобы получить такого напарника?

– Он довольно странный, – ответил Петерсон. – Одиночка. Да еще читает книги.

– За что их оставили в участке?

– Я не имею права это обсуждать. А тебе пора заняться делом. Выбирай любой стол.

Ричер, следуя старой привычке, сел в самом дальнем углу. Стол был простым, с ламинированной поверхностью и обычным стулом, который был еще теплым. На столе стояли

темный монитор, явно выключенный, клавиатура и консоль с телефоном – шесть кнопок для шести линий и десять для быстрого набора.

– Набери девятку, чтобы выйти на линию, – сказал Петерсон.

*Уверен, что у тебя тоже есть номер, который ты будешь помнить всегда. И это не коммутатор.*

Ричер начал набирать номер. Сначала девятку, потом код Вирджинии и еще семь цифр. Номер, который он помнил.

Он услышал автоответчик, чего не было раньше, мужской голос, медленно и задумчиво, старательно выделив четыре первых слова, сообщил: «Вы позвонили в Бюро трудовой статистики. Если вы знаете нужный вам номер, вы можете его набрать. В противном случае, пожалуйста, прослушайте нижеследующее меню». Далее следовало длинное, однообразное перечисление: нажмите «один» для этого, «два» для того, три... сельское хозяйство, производство, непищевая промышленность.

Ричер повесил трубку.

– Больше никакого номера не знаешь? – спросил Петерсон.

– Нет.

– Куда ты звонил?

– В специальный отдел расследований. Это что-то вроде элиты. Собственное ФБР армии, только меньше.

– Кто ответил?

– Какой-то правительственный офис. Что-то про трудовую статистику.

– Наверное, все изменилось.

– Наверное, – не стал спорить Ричер и тут же добавил: – Или нет. По крайней мере, не по существу дела.

Он снова набрал номер, тот же самый, и услышал ту же запись: «Если вы знаете нужный вам номер, вы можете его набрать». Он нажал 110, услышал щелчок, тихое ворчание, потом новые щелчки. После первого сигнала ему ответил другой голос, на сей раз живой:

– Слушаю?

Южный акцент, наверное, парню к тридцати, почти наверняка капитан, если только мир не сошел окончательно с ума и они не позволили отвечать на звонки по этому номеру лейтенантам, сержантам или, того хуже, гражданским лицам.

– Мне нужно поговорить с вашим командиром, – сказал Ричер.

– С чьим командиром?

– Вашим.

– А вы с кем разговариваете?

– Вы служите в штабе 110-го подразделения военной полиции в Рок-Крик, штат Вирджиния.

– Правда?

– Если только вы не поменяли номер телефона. Обычно около него всегда сидел оператор, требовалось только спросить комнату номер 110.

– С кем именно я разговариваю?

– Я раньше служил в 110-м.

– В какой должности?

– Командира подразделения.

– Имя?

– Ричер.

На мгновение воцарилась тишина.

– А кто-нибудь выбирает то, что они там предлагают в меню? – спросил Ричер.

– Сэр, если вы служили в 110-м, вы должны знать, что это активный канал связи в чрезвычайных ситуациях. Мне придется попросить вас сообщить, в чем состоит ваше дело.

– Я хочу поговорить с вашим командиром.

– Касательно?

– Мне нужна услуга. Скажите ему, чтобы посмотрел мое личное дело и перезвонил. – Ричер продиктовал номер, написанный на бумажке, приклеенной к консоли перед ним.

Дежурный на другом конце молча повесил трубку.

Было без пяти девять утра.

Осталось сорок три часа.



## Глава 11

В половине десятого телефон на столе, за которым сидел Ричер, зазвонил, но вызывали не его. Он вытянул провод и передал трубку Петерсону. Тот назвал свое имя и звание, потом почти целую минуту слушал. Наконец попросил того, кто был на другом конце, держать его в курсе, затем вернул трубку Ричеру, который положил ее на место.

– Нам твоя информация понадобится сразу, как только ты ее получишь, – сказал он.

Джек показал на консоль, перед которой сидел.

– Ты же знаешь, как ведут себя в наше время дети. Не пишут писем и не звонят по телефону.

– Я не шучу.

– Что изменилось?

– Мне звонили из Управления по борьбе с наркотиками, начальство. ФБР, прямо из Вашингтона. Оказали нам любезность. Выяснилось, что они получили наводку о мужике, который, по их представлениям, является русским наркодилером. Новенький в деле, пытается сделать себе имя, ищет выгодные сделки в Бруклине, в Нью-Йорке. Ему только что позвонил из Мехико тип по имени Платон и сообщил, что в пяти милях к западу от города Болтон в Южной Дакоте имеется земельный участок, выставленный на продажу.

– Участок, выставленный на продажу?

– Они сказали именно так.

– И что это значит? Недвижимость или наркотики?

– Если там находится подземная лаборатория, в таком случае и то и другое. И нетрудно догадаться, каким будет следующий вопрос УБН. Они начнут собирать сведения и позвонят нам, чтобы выяснить, что там такое находится.

– Пусть свяжутся с департаментом армии напрямую. Получится быстрее.

– И мы будем выглядеть как идиоты. Мы не можем признать, что в течение пятидесяти лет рядом с нами находилось что-то, о чем мы не имеем ни малейшего понятия.

Ричер пожал плечами и снова показал на телефон:

– Ты узнаешь в тот момент, когда узнаю я. Возможно, никогда.

– Ты был командиром? В элитном подразделении?

– Некоторое время, – подтвердил Ричер и добавил: – Тебе не кажется, что Платон странное имя для мексиканца? Лично мне оно больше напоминает бразильское.

– Нет, югославское, – сказал Петерсон. – Как у того старого диктатора.

– Его звали Тито.

– А я думал, это южноафриканский епископ.

– Тот был Туту.

– Тогда кто такой Платон?

– Древнегреческий философ. Ученик Сократа, учитель Аристотеля.

– И какое ко всему этому отношение имеет Бразилия?

– И не спрашивай, – ответил Ричер.

Каплер и Лоуэлл вернулись в общий зал, разложили еще теплые копии из копировальной машины на каждый из подносов с входящей информацией и снова ушли.

– На сегодня их работа закончена, – сказал Петерсон. – Теперь у них будет пятичасовой перерыв на ленч. Какая глупость использовать людей так бессмысленно.

– Что они натворили?

– Я не могу об этом говорить.

– Так плохо?

- Не особенно.
- Тогда что?
- Я не могу об этом говорить.
- Очень даже можешь.

– Ладно. Три дня назад они отключили свои радиоприемники на целый час. И отказываются говорить, почему, как и что они в это время делали. Мы не можем такого допустить. Из-за тюремного плана.

Телефон снова зазвонил без двадцати десять. Джек взял трубку и сказал:

- Да?
- Майор Ричер? – спросил женский голос.
- Да.
- Знаете, кто я?

- Продолжайте говорить.
- В последний год службы вы вели занятия с курсантами.
- Правда?

– Тема: интеграция армейских и федеральных расследований. Я была слушателем на тех курсах. Разве вы не узнали мой голос?

- Продолжайте говорить.
- Что вы хотите, чтобы я сказала?

В тот момент Ричеру хотелось, чтобы она говорила и не останавливалась, потому что у нее был великолепный голос – теплый, немного хриплый, слегка с придыханием и намеком на близость. Ему нравилось, как он шелестел у него в ухе. Очень нравилось. Мысленно он представил его обладательницу блондинкой, лет тридцати пяти, не больше, но и не моложе тридцати. Вероятно, высокой и очень симпатичной. В общем, голос был просто потрясающий.

Но он его не узнал и сообщил ей об этом.

– Вы меня разочаровали, – сообщил ему голос. – Может, я даже немного обижена. Вы уверены, что не помните меня?

- Мне нужно поговорить с вашим командиром.
- Это подождет. Поверить не могу, что вы меня не помните.
- Могу я сделать предположение?
- Валяйте.

– Я думаю, что вы являетесь своего рода фильтром. Ваш начальник хочет знать, тот ли я, за кого себя выдаю. Если я скажу, что помню вас, то провалю испытание. Мы с вами никогда не встречались. Возможно, я жалею, что это не так, но мы не знакомы.

– Но я у вас училась.

– Неправда. Вы просто прочитали мое личное дело. Название курса придумали исключительно для общественного потребления. Его суть состояла в том, что следует делать, чтобы оттрахать федов<sup>4</sup>, и ни о каком сотрудничестве с ними речь не шла. Если бы вы там присутствовали, вы бы про это знали.

- Отличная работа. – В голосе появился намек на улыбку. – Вы только что прошли тест.
- Итак, кто вы на самом деле?
- Я – это вы.
- В каком смысле?
- Я командир 110-го специального подразделения.
- Правда?
- Чистая.

---

<sup>4</sup> То есть федералов, сотрудников федеральных правоохранительных структур.

– Потрясающе. Примите мои поздравления. И как вам?

– Не сомневаюсь, что вы и сами знаете ответ. Я сижу за вашим прежним письменным столом, в буквальном и метафорическом смыслах. Помните тот стол?

– У меня было великое множество столов.

– Здесь, в Рок-Крик.

На самом деле Ричер отлично помнил старой модели казенный стол, сделанный из стали, выкрашенной зеленой краской, по краям облупившейся до такого состояния, что сквозь нее проглядывал металл, уже тогда, когда он достался ему в наследство.

– Справа на нем имеется большая вмятина, – сообщил ему голос. – Говорят, она появилась там после того, как вы приложили кого-то головой к столешнице.

– Говорят?

– Что-то вроде народного сказания. Так это правда?

– Думаю, виноваты грузчики.

– У вмятины абсолютно круглая форма.

– Может, они уронили на него шар для боулинга?

– Лично мне больше нравится легенда.

– Как вас зовут? – спросил Ричер.

– Придумайте для меня имя, – сказал голос.

– Что?

– Пусть наш разговор останется неофициальным. Сочините для меня кодовое имя.

– Это личный разговор?

– На самом деле нет. Наша система показывает, что вы звоните из полицейского участка. Не сомневаюсь, что у них есть коммутатор и записывающие устройства.

– Ладно, продолжайте говорить, а я попытаюсь придумать вам подходящее имя, – сказал Ричер.

– Что вы хотите, чтобы я сказала?

– Почитайте телефонный справочник. Это поможет.

В голосе снова прозвучал намек на улыбку.

– А еще кое-кто утверждает, что вмятина на столе появилась от головы одного полковника. И не вызывало сомнений, что вы тогда очень сильно рисковали. Так все говорят.

– Аманда.

– Аманда? Отлично. Значит, так меня зовут. Если я снова вам понадоблюсь, позвоните по этому номеру и попросите позвать Аманду. А теперь – что я могу для вас сделать?

– В Южной Дакоте есть маленький городок, который называется Болтон. Он находится примерно посередине штата, в двенадцати или тринадцати милях к северу от автострады I-90.

– Я знаю, где он находится. Наша система выдала координаты. В данный момент я смотрю прямо на Болтон.

– Смотрите на него?

– На экране моего лэптопа, с помощью программы «Гугл планета Земля».

– Ну и жизнь у вас пошла, ребята, никаких проблем.

– Технологии, на самом деле, потрясающая штука. Итак, что от меня требуется?

– В пяти милях к западу от города находится заброшенная со времен холодной войны база. Мне нужно знать, что это такое.

– А вы сами не в состоянии определить?

– Я ее не видел. Да и вообще, судя по всему, смотреть особенно не на что. Вполне возможно, что там ничего и нет, но я хотел бы, чтобы вы проверили.

– А вы уверены, что это не пусковая ракетная установка? В обеих Дакотах их огромное количество.

– Местные парни говорят, что это не установка. Да и по описанию не похоже.

– Хорошо, не вешайте трубку. Я увеличила и приблизила изображение. Судя по последним данным, единственное, что находится к западу от города, похоже на тюремный лагерь. Пятнадцать домиков и более старое здание, два ряда по восемь строений. Плюс длинная прямая дорога, примерно в двух милях от него.

– Более старое здание похоже на дом?

– Сверху выглядит как самый обычный дом.

– Хорошо, но мне нужно больше.

– Вы хотите, чтобы я приехала в Южную Дакоту и отправилась взглянуть на него вместе с вами?

– Поскольку я тут застрял из-за снежной бури и мне совершенно нечего делать, это было бы просто замечательно. Но будет достаточно проверить документы. Они наверняка где-то имеются. Мне необходимо знать его размеры, цель и что оно собой представляет с точки зрения архитектуры.

– Позвоните мне ближе к концу рабочего дня.

Послышался щелчок, и голос исчез.

Было без пяти десять утра.

Осталось сорок два часа.

## Глава 12

Адвокат припарковал машину на стоянке перед своим офисом и надел калоши. Он снял их снова, когда вошел в вестибюль здания, положил в пластиковый мешок для продуктов и вместе с портфелем понес к лифту. Секретарша, сидевшая в своей каморке перед его дверью, поздоровалась с ним, но он ей не ответил. Он еще не знал, доброе сегодня утро или нет. Просто протянул руку за письмами.

Их было восемь.

Три оказались самыми обычными внутриофисными сообщениями.

Четыре – вполне легальными юридическими письмами.

В последнем содержалась просьба встретиться в двенадцать часов дня с клиентом в тюрьме по очень срочному вопросу, имеющему отношение к делу номер 517713.

Некоторое время Ричер сидел один, затем вышел из комнаты и обнаружил Петерсона в пустом кабинете рядом с дверью в общий зал. В кабинете по центру теснились четыре стола, на стенах висели длинные горизонтальные доски для объявлений шириной примерно от уровня пояса и до головы. Петерсон прикреплял к ним вчерашние фотографии с места преступления. Мертвый парень, одетый во все черное. Снимки, сделанные с расстояния, крупный план. Снег на земле, на правом виске рана, нанесенная с огромной силой. Крови нет.

– Мы только что получили отчет патологоанатома, – сообщил ему Петерсон. – Уже не вызывает сомнений, что его убили не там, где обнаружили.

– Есть еще раны?

– Только синяки, полученные после смерти.

– В городе имеются неблагополучные районы?

– Некоторые хуже других.

– Вы проверили бары?

– А что там искать?

– Только что вымытые полы, подозрительные пятна...

– Ты думаешь, это была обычная драка в баре?

– В каком-нибудь не самом лучшем районе, но, вне всякого сомнения, не в зоне боевых действий.

– Почему?

– Что патологоанатом сказал про оружие?

– Круглое, довольно гладкое, возможно, обработанный на станке металл или дерево, может быть, водосточная труба или столбик от ограды.

– Ни то, ни другое, – возразил Ричер. – У столбиков от ограды и водосточных труб одинаковый диаметр, они слишком широкие, чтобы надежно взять в руку и хорошенько размахнуться. Я думаю, это бейсбольная бита. Найти биты зимой относительно непросто, поскольку они, как правило, лежат в подвалах, на чердаках или гаражах. Но иногда бармены держат их под стойками, чтобы очень быстро ими воспользоваться, если возникнет нужда. Не в благополучном районе, конечно. И не в зоне боевых действий, где, скорее всего, им потребовался бы пистолет.

Петерсон слушал его молча.

– Где любят выпивать охранники из тюрьмы? – спросил Ричер.

– Ты думаешь, это один из них?

– Чтобы станцевать танго, нужны двое. Тюремные охранники привыкли к дракам и буйству.

Петерсон помолчал секунду, потом спросил:

– Еще что-нибудь?

– Я уйду, вернусь через некоторое время, – сказал Джек, покачивая головой.

Сильный снегопад продолжался, и машина Петерсона на парковке превратилась в горбатый сугроб. Ричер надел капюшон полученной напрокат куртки и прошел мимо нее. Оказавшись на улице, он посмотрел направо, потом налево. Снег окутывал его плотным одеялом, забирался под капюшон, лип к волосам и ресницам, превратившись в холодную влагу, стекал по шее. Прямо напротив находилась городская площадь или городской парк, а чуть дальше расположились несколько зданий явно коммерческого назначения, но определить на таком расстоянии, да и еще в снегопад, что там такое, Ричер не смог. Впрочем, над крышей одного из них поднимался пар из вентиляционного отверстия, и Джек решил, что это либо прачечная, либо ресторан – иными словами, шансы получить поздний завтрак были пятьдесят на пятьдесят.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.